

Дмитрий Ахметшин

ПАТРИОТ

Дмитрий Ахметшин
Патриот

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ахметшин Д.

Патриот / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Роман, в котором человеколюбие и дружба превращают диссидента в патриота. В патриота своей собственной, придуманной страны. Страна эта возникает в одном российском городке неожиданно для всех и сначала занимает всего-навсего четыре этажа студенческого общежития. А потом, благодаря интернету, зараза равнодушия распространяется на другие учебные заведения и в конечном итоге на весь город. О развитии драматических событий вы узнаете, прочитав этот роман. Содержит нецензурную брань.

© Ахметшин Д., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Глава 1

В две тысячи шестом Ислам поступил в университет и, переехав в другой город, поселился в общежитии, обитатели которого сильно преобразили его жизнь.

Период обучения в университете – время перемен для каждого молодого человека. Оно совпадает с глобальными изменениями в организме, призванными вытолкнуть во взрослый мир. Особенно если пришлось переехать в другой город. И особенно если тебя зовут Ислам. Всем как-то наплевать, что ты из Уфы, а не из Бишкека, и что ты всё-таки русский.

Сейчас две тысячи девятый, и Исламу Хасанову кажется, что он мало изменился за эти три года. Разве что пропало выражение затравленного волчонка, свойственное некоторым подросткам. Распрямилась наконец-то спина. Лицо, фигура и походка внушают мысль, что этот человек уверен в себе. Скорее всего, сможет за себя постоять в потасовке или перенести из центра комнаты жизненные трудности и сложить их возле урны с картофельными очистками.

Лицо слегка с перчинкой, как у любого башкира, скулы снизу и острые надбровные дуги сверху заключают его в некоторое подобие клетки. Щёки впалые, словно натянутые на раму паруса, всё вместе как застывшая жвачка – твёрдое и выразительное. На подбородке пятно щетины, которое, если его запустить, расползается до ужасной кляксы. Волосы жидкие и светлые: одно время Ислам красил их перекисью, и этот оттенок настолько прижился, въелся в кожу и волосы, что, похоже, теперь уже не смоешь ничем.

Сейчас Хасанов на четвёртом курсе. Самая середина осени, и на нём блестящая от дождя куртка. Волосы свалились и бессильно лежат на лбу, а кончики ушей красные от прилива крови. Продавщица переводит взгляд от нескольких бутылок пива на прилавке на лицо, с подозрением разглядывает карие глаза и тонкие губы.

– Есть восемнадцать?

За спиной шевелится гора в пухлом пальто, с косматой чёрной головой и абсолютно голым, похожим на картофельный клубень, подбородком. Кладёт руки на плечи Хасанова, голос звучит, как рокот старого икаруса.

– Мне, – говорит, – есть. Когда тебе уже начнут продавать без меня пиво, а, Хасаныч? – спрашивает Миша, наблюдая за полётом рук продавщицы, точным и острым, как у дирижёра. Ни одного лишнего движения, даже когда расправляет на шве мятой пачки чипсов с луком штрих-код. Наверное, по таким движениям можно играть музыку.

– Чего пристал? – добродушно говорит Ислам. – Я тебя, между прочим, для этого с собой и таскаю.

Улыбается. Рот подвижный, при любой возможности расплывается в улыбке. Ислам пытается смирить эту улыбку, как-то напрячь таинственные мышцы рта, но не может. На парах часто такое бывает: стоишь, Виктор Иванович пялится прямо на тебя, ещё чуть-чуть, и побуреет от досады, а в голове лоскуты мыслей. Спрашиваешь: «Что?»

Виктор Иванович повторяет вопрос. И вот тут деваться точно некуда. Понимаешь, что нужно что-то сказать, но сказать нечего, и нужно хотя бы удержать при себе эту дурацкую улыбку. Хватаешь её руками, пытаешься спрятать в ладонях, делая вид, что сейчас чихнёшь, но ничего не выходит, лезет между пальцами. Получается, что один край рта улыбается, а другой нет, вымученная ухмылка вползает на лицо, и Виктор Иванович мрачнеет совсем: «Что вы ухмыляетесь, молодой человек?»

Скука вокруг вспучивается сдерживаемым ещё смехом. А ты всё-таки чихаешь несколько раз в кулак, но получается до ужаса фальшиво.

Ислам и Мишаня забирают с прилавка четыре бутылки «Мельника», чипсы, распахивают всё по рюкзакам и бодро шагают через пелену мелкой противной мороси в общежитие. Сегодня суббота, лекции иссякли, и это требуется отметить. В парке неуютно и холодно, поэтому путь

лежит под жёлтыми ветками тополей домой, и дом серой глыбой с зализанными непогодой деталями выползает из тумана. К подошвам ботинок прилипают окурки, навстречу попадаются знакомые лица. Ислам жмёт руки, с кем-то перекидывается парой слов.

Общага – это всегда котёл, куда закидывают людей, немного приправы в виде стипендии, заливают бульоном знаний и ставят эту неаппетитную смесь на огонь времени, оставшегося до сессии. Социум в социуме. Ислам не видел ещё ни одной общаги, которая выглядела бы иначе. Это уже третья – после двух уфимских. Даже японское студенческое логово на видео, присланном Петром, оригинальностью не отличилось.

Миша, посмотрев видео про японскую общагу, со знанием дела сказал:

– Что-то много узкоглазых. Это в Алматах где-нибудь, да?

– Ясен пень, – говорит Ислам, – в Алматах. Вон иероглифов сколько, не видишь?

– Вижу, – Миша хмурится. Должно быть, начинает что-то подозревать. – А что это твой брат вдруг к казахам подался? В такую даль?

– А я не говорил? Там же лучшие спецы в природоохранной области, – Ислам переключился на письмо, пролистнул лирику. Ткнул мышкой: – Вот, видишь? Каору-сэмпей чувака зовут.

Опять эта ухмылка. Выползает на лицо, и никак её не согнать. Ислам отворачивается и ржёт, уткнувшись в запястье. Миша закипает, рожа его краснеет, а шея раздувается.

– Ты мне сейчас договоришься тут, байда узкоглазая.

Миша внушителен и строг, и мало кто хочет увидеть его в гневе. Впрочем по-настоящему его разозлить, как любого большого человека, сложно. Каждое движение наполняет мир вокруг него значительностью, а его делает эпицентром этой значительности. При росте в метр восемьдесят пять он возвышался над всеми, подобно водонапорной башне, маска под тёмными волосами повергает в ужас. На щеках борозды от угрей, словно фактура гранита, глаза тёмные от ярости, уголки рта стремятся вниз, как будто к ним повесили по гире. Он смотрит на вас, уперев руки в бока, и вы с ужасом гадаете, что он сейчас сделает – разотрёт вас между своими могучими руками или же просто раздавит взглядом.

Миша хлопает объект своей ментальной атаки по плечу и ворчит:

– Не парься, братуха. Чё ты паришься? Вид у тебя какой-то болезненный.

Движения скупые, внушительные. Они говорят об их обладателе куда больше, чем всё остальное. Мишаня идёт по коридору, расшвыривая ногами забытые тапки, впереди него катится зловещее клокотание, зародыш рыка где-то в груди, и каждый понимает, что лучше бы убраться с дороги.

Миша познакомился с Исламом, повстречавшись в буфете на первом этаже. Никто уже не помнит, из-за чего всё завертелось. Как потом рассказали, кликнули даже бабушку-охранника с ведром воды и шваброй: «оттаскивать Медведя от парнишки с третьего». Хасанов же помнил, что целился на пачку пельменей, чувствуя, как внутренности после утра на «Дошираке» готовы переварить сами себя. А в следующий момент уже говорит здоровенному амбалу, характерно двигая бровями:

– Наверное, нелегко такому большому человеку быть таким угрюмым. Брови-то ещё не болят?

О, в тот раз он получил неплохую взбучку. А заодно узнал, что такому большому человеку вовсе не обязательно складывать руки в кулаки – надрать уши он сможет и так.

Зато потом они стали лучшими друзьями.

Ясное дело, с учебным процессом жизнь в общежитии связана весьма условно. Точнее ты-то пытаешься получать знания, чувствуешь, как под задницей напрягается спина Высшей Математики, как она сопит под тобой, вот-вот засвистят копыта, а ты держишься за рога и чувствуешь, как в голове взрывается ядерная бомба. Как новые знания, злые, с горящими гла-

зами, с бутылками и арматурой наперевес штурмуют твой мозг в надежде расквасить какой-нибудь безобидной мыслишке башку. Все в железе, дисциплинированы до тошноты.

И ты должен встать на их сторону. Вот в чём дело.

Вот наконец зверь успокаивается, и твоя задница больше не трясётся. Оккупанты строят в мозгу баррикады. Отрываешь глаза от учебника, чтобы поделиться радостью с близкими, и кажется, счастья твоего хватит, чтобы осветить все зарёванные лица на Земле.

А близкие, чаще всего это Яно, тощий эстонец в просторной майке, ни черта не впиливают, как сказал бы один из героев Макса Фрая. Никакого с ними торжества от победы над зверем. Ты его чувствуешь, но остальные хмыкают и зовут пить пиво. Сочувственно говорят:

– Ого, осилил-таки эти матрицы. А я на принципе Сильвестра запоролся. Это, ну, объяснишь потом как-нибудь, хорошо?

Свидетели, блин, победы.

Яно – сосед по комнате. Потерянный человек. Как он дотянул до третьего курса, никто сказать не мог. Включая его самого. Он жил на своей половине комнаты в каком-то совершенно особенном мире. Там пахло не так, как на половине Ислама, там играла совершенно другая музыка, валялись книжки, которые обыкновенно до другой половины не доползали. Из окна там доносились звуки большого города, текли реки света, а стол завален был сверх всякой меры.

– Я мечтатель, – представляется он в самый первый день. Кидает на кровать сумку с вещами, какую-то бешено китайскую и бешено-красную сумку, подходит здороваться, и на губах для задабривания почвы играет улыбка.

Улыбка у него открытая и немного стеснительная, наверное, именно такая и должна быть у мечтателей. Выше на полголовы немаленького Ислама, на людей он смотрит отнюдь не свысока. Даже чуть горбится, чтобы собеседникам было комфортнее. А вот зубы он вспоминает почистить не всегда. Особенно поначалу часто забывал – на первом курсе. Но пара лет в Спарте из любого сделают человека...

Рука у Яно с длинными белыми пальцами и грязными ногтями, но Хасанов не может её не пожать, глядя на располагающе-безмятежную, как озеро в облаке лилий, улыбку. Даже уступает присмотренную для себя койку у окна. Яно бы ретировался, если б ему хватило внимательно-сти увидеть сложенные на спинке вещи или выглядывающий из-под кровати рюкзак. Но четырёх глаз ему не хватило, шестое чувство тоже отдалил какой-то эстонский медведь, поэтому, когда Яно стопками начинает вытаскивать на стол книги с игральными картами «Magic» вперемежку, Ислам перебрасывает свои вещи на вторую кровать. А когда Яно лезет вешать на стену хрустящую новенькую карту мира, матюгаясь и собирая коленями пыль, Ислам принимается вытаскивать рюкзак. Только бы не заметил этот интеллигент, засмущается ещё...

Таков Яно, обладатель непроизносимой фамилии и эстонского акцента, ветра в голове, густых рыжеватых волос, тонких интеллигентных очков и целого вороха бесформенных шмоток.

Он играет на саксофоне. Играет очень здорово, на самом деле, но вдохновение на него накатывает, ухмыляясь в сторону спящего или учащегося Ислама. В таких случаях Яно нет дела уже ни до кого: он просто берёт трубу и играет.

Беря в качестве строительного материала куски нашего мира, Яно окружает себя своим – особенным. В его мире есть как вполне обыденные вещи – пройдёшь мимо и не заметишь – так и что-то поистине грандиозное. Он фанател, например, Мексикой. Ни разу там не был, однако на стене над его кроватью помещается мексиканский флаг и почти настоящее сомбреро. А когда накатывало, Яно мог бубнить нечто из первых страниц испанского самоучителя (дальше он так никогда и не продвинулся, во всяком случае на памяти Ислама) или громко и с выражением зачитывать Кастанеду. На эстонском.

– Как ты до сих пор не призвал какого-нибудь демона своими заклинаниями, – шутит Ислам.

Что-то, посмевшееся запасть Яно в душу – и не важно, как далеко оно находилось, – тут же становилось неотъемлемой частью его жизни. Услышанное, допустим, по телевизору, подсмотренное мельком в интернете могло запросто стать новым смыслом жизни. А это грозило в первую очередь ещё большим захламлением той половины комнаты.

Хасанов мечтает о том дне, когда однажды соседу западёт в голову страсть к порядку.

– Я и порядок – понятия не совместимые. Я человек искусства. Мечтатель. Понимаешь? – веско говорит Яно и смотрит поверх очков потрясая голубыми глазами.

И тогда на Ислама снисходит озарение. Как он может журить за такую мелочь благого человека? Ангела, который прячет пыльные крылья в красной китайской сумке. Ну, подумаешь, на трубе играет – так все ангелы играют на трубе...

Родители Яно в разводе. На родине, по его словам, осталась мать и двое сестричек, а сюда Яно приехал не то к отцу, не то к дяде, но жил почему-то в общежитии. Деньги у него водились, и поэтому в холодильнике всегда имелась еда. Яно любит поесть, а вот готовить терпеть не может, и поэтому соседи образовали вполне жизнеспособный симбиотический организм. Каждый раз, открывая дверь старенького «Стинола», Ислам видит горы халявных продуктов. А Яно всегда мог добыть из кастрюльки суп или жареную куриную ногу.

Хасанов любит готовить. Мишаня, по простоте душевной путая его с узбеком, заявляет:

– Что, чурка, трудно без журпа-маш на ужин, да?

От скворчащего на плите варева на душе становится тепло, там растворяется осадок от последних учебных дней. Готовке следует посвящать всего себя, и, если уж взялся за половник, не отвлекаться ни при каких обстоятельствах. Тогда боги хавки тебя не забудут. Допускается только музыка – словно привилегированная дама на светский приём. Она стоит над плечом, скрестив на груди руки, наблюдает за мельканием ножа или закручивающейся в спираль картофельной кожурой, и Ислам подпекает, отстукивая ногой ритм.

В такие моменты он становится необычайно деятельным. Летает от плиты к раковине, к распечатке с рецептом на столе и обратно, обсасывает палец, на который попало горячее масло, чистит рыбу и режет овощи. Обычное сонное выражение на это время исчезает с лица, глаза живые и быстрые, движения точны, будто всю жизнь занимается рукопашным боем.

– Ты как японский пылесос, – говорит из своего угла Яно, когда Ислам залетает из коридора в комнату за забытыми в картонной коробке приправами. – Всё время бегаешь, бегаешь...

Он сидит в своём кресле, поджав ноги и практически утонув в горе разбросанных на полу – или на любой ровной поверхности – вещей.

– Тебе бы не помешал сюда пылесос, – говорит Ислам.

Любой, кто заходил сюда в первый раз, терял дар речи. Ребята, что проходили мимо открытой двери, на некоторое время подвисали, влипая взглядами в разницу между половинами комнаты.

– Знаете, на что похожа ваша каморка? – замечает как-то Лёня. – На инь и ян!

– Чур, я играю белыми, – лениво отзывается Ислам. Он развалился на вращающемся кресле, катает в пальцах шарик жвачки.

Яно из своего угла бросает на них пустой взгляд и возвращается к дискретной математике. Это один из дней, когда его положение держится на волоске: эстонцу пришлось отбросить все свои увлечения, чтобы вцепиться зубами в гранит науки. Хасанов не сомневается, что он выкарабкается. Человеку, который живёт кверху тормашками, трудно угрожать падением.

– Постой-ка, Лёнька, а где это у меня здесь капелька чёрного?

Лёня смеётся.

– Разгильдяйство – вот твоя капелька чёрного. Если тебе предметно, то вот, допустим, эта куча носков. Очень похожа.

– Уговорил, – ворчит Хасанов. Носки бы, конечно, с пола нужно убрать, но ему недосуг.

– А его капелька белого, – продолжает развивать тему Леонид, – наверное, он сам. Смотри, какой симпатичный сидит. Вроде и умница, и нос – посмотри, какой нос! Вот сейчас, в профиль... Женщины будут кипятком от него писать. Главное, чтобы они не видели всего этого бардака.

– Такой чистый и во фраке, – смеётся Ислам, вспомнив старый анекдот.

Где-то посередине комнаты из-под завалов и индийского цветастого коврика выползает пол, просторный и немного офигевший, без препятствий бежит прямо до двери. На его пути встают лишь ножки кровати да стул на колёсиках. На стенах всего один плакат и пара надписей над столом, оставленных предыдущим жильцом. «Верь в себя, иначе в Тебя не поверит никто», – гласила одна из них, и Ислам решил её оставить. Первый курс, вокруг сплошная неизвестность, и он чувствовал, что поддержка не помешает. Даже такая. А потом – потом просто свылся с этим пожеланием. Любил, устроив на руках колючий подбородок и запустив какую-нибудь музыку, думать о человеке, который её написал. Что же с ним случилось? Поверил ли он в себя – и насколько?..

Нельзя сказать, что Ислам какой-то особенный музыкальный гурман. Вот Яно – этот да, гурман из гурманов. Хасанов же может до хрипа в колонках гонять «Nickleback», Джона Бон Джови или какой-нибудь ещё популярный на радио рок; у него имеется дискография Мадонны и Майкла Джексона, а также «Oasis» и «Radiohead», но не более того. Первым делом, входя в комнату и закрывая за собой дверь, он стремится нарезать ломтями тишину и съесть её с чаем.

Яно музыку включал редко. От него самого было куда больше шума. Зато когда включал – это могло быть что угодно. Латиноамериканские мотивы на гитаре и банджо, Лестер Янг или Чарли Паркер со своими блестящими трубами, звуки природы, однообразный финский хип-хоп или русский блатняк – Яно, в отличие от Ислама, слушал музыку тихо, но с таким выражением, как будто это было сложное и очень ответственное дело. Именно слушал, а не включал для фона.

Ислам считал, что только так и стоит её слушать, музыку. Не «под книжку» и не погрузив лицо в сгиб локтя и по совместительству – в сон, в то время как наушники-пуговицы вдувают в тебя нечто ритмичное, а открыв рот и развернув уши, впитывая каждую ноту, каждый их сабвуфера.

Яно вообще очень многое делал правильно. Более того, до знакомства с ним Ислам не представлял, как это вообще – правильно. А теперь представлял. В этом смысле он мог считать знакомство со спокойным эстонцем главным знакомством своей жизни.

Глава 2

Случилась в это время одна история, которая не очень понравилась всем. Только вот всем в ней пришлось участвовать – в афёре какого-то большого человека, которого никто из студентов в глаза не видел.

Просто однажды всем объявили, что вместо практики ближайшую неделю они будут заниматься пиаром некоего Федоевского. Близились время выборов, и на улицах города спешно разворачивалась привычная суэта.

За каждым из высоких людей должна стоять какая-то идея. В реальности же все эти идеи оказывались пустыми, к тому же скопированными одна с другой. Никому до них не было дела.

Сложно сохранять настрой, когда тебя вытаскивают под угрозой отчисления из постели рано утром, дают клей и стопку плакатов или, тем паче, мегафон и листик с текстом, полным возвышенных эпитетов, и отправляют гулять на оживлённые перекрёстки.

– Похоже, наш директор кому-то крупно задолжал, – говорит всё тот же невозмутимый Паша.

На голове у него шухер: такие кудри никогда не поддаются расчёске. К третьему курсу Паша отрастит себе дреды и будет стягивать весь этот лес резинкой, сейчас же отросшие вихры падают на глаза, на переносицу, колыхаются за ушами. Сам хилый, с тонкой цыплячьей шеей, но из-за своей причёски, правильных черт лица и пронзительных зелёных глаз смахивает на юного киногероя. Этакого бунтаря.

Они вдвоём составили команду пиарщиков. Хасанову предполагалось махать флагом, а Паше, у которого дикция была получше, – зачитывать речёвки.

«Вот тебе и работа с людьми», – думает Ислам, комкая в руках листовки. Сейчас пройдёт очередной прохожий, лысоватый мужчина с седыми висками и надвинутой на усталые глаза кепкой, волоча за собой портфель, и... Ислам снова спрячет листовки в карман, а Паша бросит очередную свою в урну. За всё время их бригада раздала восемь листовок, и наверняка они будут не единственными, феерически невыполненными план.

Паша предложил выкрикивать в мегафон матерные частушки и даже полез через свой коммуникатор скачивать их из интернета. Ислам предложил взять в ларьке клюквенной настойки и петь песни из «Дня Выборов». Через мегафон должно получиться очень внушительно. Немного посмеялись, но в конце концов скисли и занялись делом, позволяя себе иногда отвлекаться на проходящих девушек. Паша носился за ними, размахивая красным мегафоном, и за три часа набрал восемь телефончиков.

В таком темпе ползла мимо неделя, ворочая своё громоздкое тело – с кирпичной текстурой и косо наклеенными плакатами. Мишу тоже привлекли к «общественно полезным» работам, и он не был намерен с этим мириться. Всё, что он думает, лезет из него грязными, кусачими, как дворовые щенки, потрёпанные собачьей жизнью, словами.

– Вот же сволочи, – говорит он.

Ислам с Пашей уже отработали своё время сегодня, и Миха является их сменить – хмурый, как никогда.

– Должны ли мы вообще их раздавать – вот в чём вопрос, – замечает Ислам. – Здесь есть какие-нибудь нарушения. По-любому есть.

– Да мне по барабану, должны или не должны. Я не хочу.

– В том и дело, что всем по барабану. Понимаешь, если бы каждый увалень вроде тебя знал свои права, не стеснялся за них бороться и тыкать в них носом любого, кто захочет его куда-то на хляву припахать, наверху было бы куда меньше всяких уродов.

– Можешь спустить свои философские наезды в толчок, – беззлобно огрызается Миша. – Сам-то чё по утрам мёрзнешь, как шалава продажная, раз такой умный?

– Я не умный. В том-то и дело. Был бы я умным, я бы знал, где нас надули.

Миша методично скатывает стопку листовок в трубочку, чиркает зажигалкой. Глянцевая бумага горит плохо, чадит, рисуя в воздухе струйками чёрного дыма.

Яно повезло: он слёг с температурой, взял больничный и улетел на родину. А когда вернулся, был потрясён произошедшей с городом переменой.

Везде на улицах плакаты с обрюзгшими лицами, с громкими лозунгами и фамилиями под цвет российского флага. Обращались эти лица к народу, обращались в рты, кричащие с каждого столба, с каждой остановки. Ими, как обоями, заклеивалась сверху донизу любая ровная поверхность. На фасаде университета появилась надпись: «Федоевский – Победитель!»

Ислам наблюдал за людьми. Привычно и очень вяло ругали власть, а на плакаты смотрели обычно. Смотрели – и равнодушно отворачивались. Как на мусор, набросанный возле урны. Город расцвёл цветами российского триколора, красным КПССовским, пестрил медведями. Яно всё больше впадал в недоумение, от чего его акцент всплывал на поверхность, как большая черепаха:

– Что это, Ислам?

– Выборы.

– Они что, друг друга рекламируют?

– Пиарят. Это называется – пиар. Пиарасты.

– А, в Европе тоже есть пиар. Там вот эти вот, – он ткнул в плакат, – выступают по телевизору. Называется «дебаты».

– У нас по ящику показывают и не такое. И знаешь, что тебе скажу? Хорошо, что у нас нет телевизора.

В принципе, ящик ящиком. Он для того и создан. Не хочешь видеть очередную намавленную лысину – выключи и иди спать. Или читать книжку. Но когда видишь *вот это* на каждом углу – поневоле поднимается раздражение.

Ислам собирает его в плевки и отправляет под ноги.

– Неужели вашим людям это нравится? – допытывается Яно.

– Не очень. Да что там. Спроси любого – и каждый тебе ответит, что он уже не помнит большую часть этих морд. А тем, кого помнит, – не верит. Совсем не нравится.

– А почему никто ничего не делает?

– Ты как ребёнок, Ян.

– Могли бы что-то сделать. Если каждый сделает понемножку, может быть, они, – он тыкает в плакаты варежкой, – захотят... подумать?

– Что сделать, например?

Ян делает шаг в сторону, на ходу стягивая варежку. Пальцы скользят по плакату, находят слабинку в плохо промазанной клеем бумаге. Она превращается в его руках в комок и летит в ближайшую урну.

– Неплохо, – оценил Ислам.

Улыбка вползает на лицо, полная застенчивости, держится на губах.

– Я правильно сделал?

Он иностранец... нет, не так. Не важно, иностранец он или нет. Просто его мир – это не только родной Таллинн и кое-где этот город, его мир очень далеко отсюда, и одновременно он – везде вокруг. В кусочках, что разбросаны по комнате в общежитии, книжках, дисках с музыкой, в мелодии, что он наигрывает на своём саксофоне. Его мир – это далёкая Мексика, это Индия и Китай. Глубины океана, оркестровая яма и рёв зрителей на концерте «U2». Он нигде, и в то же время ему есть дело до всего.

– Ещё бы, – говорит Ислам. – Ещё бы...

Хасанов тянется к соседнему плакату, глаза чешутся, кажется, на них сейчас смотрит вся улица. Краем глаза видит суету, мельтешение машин, лица людей в перегаре улицы, выражений не видно, и от этого ещё страшнее.

Делает над собой усилие. Оглушительно хохочет и срывает плакат.

– Ты чего? – пугается Яно.

– Ничего, – Хасанов смеётся, бумажка отскакивает от носка его ботинка, спохватывается, поднимает её с земли и швыряет в урну. – Не знаю. Что-то поржать захотелось, знаешь? Давай помогай.

Вместе они очищают стену от рекламы. Остаются следы клея, клочки глянца, но всё нормально. Пусть знают господа депутаты, что их рожи здесь уже побывали – и они здесь не прижились.

Глава 3

С крыши общежития можно перекинуть мостик на крышу, собственно, универа. Первый корпус примыкает углом к общаге, разделяет их каких-то полтора метра пронзительной, отчаянной высоты и два низеньких бортика с одной и другой стороны. Крыша первого корпуса

запиралась на замок, и вытаскивание ключа из подсобки было настоящим адом. Как и проникновение в универ после одиннадцати, как раз тогда, когда оно *на самом деле* необходимо.

Сама университетская крыша не нужна никому, кроме голубей. Длинная, засранная, с хозяйственными будочками и металлическими конструкциями, отчаянно гудящими на ветру (на студенческом сленге это место называлось «коридором, поющим оду любви», или просто «поющим коридором»). На крыше общежития ветер катал банки из-под пива, практически каждое воскресенье на головы прохожих летели бычки. Весной и осенью, пока ещё тепло, сюда выбирались на пикник; вытаскивались наверх коврики из комнат, бетон застилался разноцветными квадратами, будто цыганским одеялом. Открывалось пиво, иногда и чего покрепче.

Но главное её, крыши, предназначение, конечно, не в этом.

В более или менее тёплое время года движуха здесь практически не прекращалась. Только когда ложился снег или в гололедицу по крышам ходили единицы. Самые бесстрашные или те, концентрация спермы в голове которых превышала все допустимые пределы. Их довольно метко называли «полярниками». Укутавшись в полушубки, обвязавшись верёвками и хватаясь руками в горнолыжных варежках за телевизионные антенны, они бесстрашно пробивали в свежей декабрьской перине тропинку к своему сердцу. Лопаты взлетали и падали, снежные комья в падении рассыпались серебристым дождём. Кое-где приходилось ползком на брюхе, снежные пробки в узких местах выбивались головами.

Впоследствии эту тропку подновляли после каждого снегопада. Опасных участков было полно, особенно в начале, где нога то и дело соскальзывала в никуда, а мостик (которым служила старая деревянная дверь, снятая с петель в доисторические времена) опасно елозил между крышами.

– Говоришь, даже зимой ходят?

Паша покровительственно хлопает Хасанова по плечу:

– Ещё как ходят, друг мой!

– И в дождь?

– Сам же побежишь, когда в голову ударит.

– Видимо, в рекламной брошюре нашей альма-матер замалчивали трупы.

Ислам вытягивает ногу, и «мостик» скрипит под носком ботинка.

– Не хочешь – не лезь, – обижается Паша. – Тебе приспичило, не мне.

Ислам подумывает объяснить другу, но решает в конце концов оставить рот на замке. Пусть думает, что «приспичило».

Сейчас первые майские деньки, и, пройдя «поющий коридор», оказываешься нос к носу с красной облезавшей штукатуркой женского общежития, расположенного как раз через университетский корпус от мужского. Крыша здесь почти примыкает к стене, в щель шириной в две ладони забился всякий мусор, газеты, фантики от сникерсов. Упаковки от презервативов и иногда сами презервативы. Планктон растёт год от года, размокает и разбухает ранней весной, превращается в пористую губку. Поднимаешь взгляд – и видишь множество надписей, как баллончиком, так и просто мелом. Довольно откровенные рисунки. Стена страсти, разгул фантазии взбудораженного спиртным и близостью близости организма.

– Здесь я тебя оставляю, – говорит Паша. Подмигивает: – Инструктора ведь не заказывал, а? Удачи.

– Давай, брат.

Ислам глядит на моську Павла, морщится. Каким-то образом тот мог превратить своё смазливое личико во что-то очень похабное, настолько, что даже слюни во рту приобретали мятный привкус. Эта крыша для *очень близких* свиданий, с последующим переходом в комнату девушки. Что же, пусть считается таковой и дальше.

Осталось совсем немного. Женское общежитие высотой в четыре этажа, кроме того, стоит на пригорке, поэтому по скользкой пожарной лестнице приходится подниматься

довольно долго. Руки липнут к сырому металлу, рубашка задирается на ветру, по спине ползут лапки мандража. И вот наконец возжеленная крыша, похожа на бутон розы, под подошвами приятно упругит пол. Антенны раскачиваются на ветру, а кое-где из щелей выглядывает жухлый мох, а ещё – одинокая хилая берёзка. Ствол перекручен, как будто некто большой долго и упорно мял его в руках, мочалил, пытаюсь выдернуть с корнем. Год за годом она мужественно переносит зимы, когда снегом заваливает по самые верхушки ветвей. Весной там набухают почки, иногда пять, иногда семь, а в прошлом году был рекорд – десять, и распускаются крошечные изумрудные листочки.

Под этим деревцем и встречает тебя твоя ненаглядная. Сидит в чахлой тени, скрестив ноги, в руках книжка. По жёлтому корешку ползут блики закатного солнца, и ты вчитываешься в буквы: надо же, Фицджеральд.

– Пропускаешь закат, – говорит она.

– Да, прости.

Хасанов отдувается, пытаюсь зацепить ртом как можно больше воздуха. Можно было бы что-то сказать, что-нибудь забавное, немного пошловатое по поводу места их встречи – первой встречи наедине, эта шутка уже вертится на языке, но Ислам никак не может облечь её в слова. Она есть, но только как ощущение, ехидный червячок, заставляющий лицо алеть от притока крови.

Она поднимает глаза от книги:

– Ну, что стоишь? Садись. Садись поближе: я не кусаюсь.

Хасанов любил высоких. Первая его девушка, та, за которой он долгое время ходил в одиннадцатом классе, была почти что с него ростом, а взбитые в причёску волосы на выпускном нависали над Исламом, раскачивались, грозя вот-вот похоронить его под душным лавандовым запахом. Катя же маленькая, бойкая, как солнечный блик. Копна непослушных каштановых волос забрана в хвост. Наверное, когда наклоняет голову, кончик его щекочет ей шею... Почему-то Хасанову приятна эта мысль, он жмурится ей, словно котяра, подставляющий под ласку загривок.

Лицо лучистое, с красивым небольшим подбородком, ресницы – что усы у твоей кошки, пышные и густые. И... вот, что его привлекло. Такая же непослушная улыбка, как у него самого, только здесь ещё ямочки на щеках, в которых собираются капельки румянца. Смеётся в кулачок, словно стесняется, этот смех сверкает между пальцев, будто бы там зажат кусочек золота.

Ислам достаёт зеркальце. Солнце раскачивается над горизонтом, готовое вот-вот туда закатиться, подобно большому помидору, но света ещё хватает.

Катя улыбается.

– Что ты делаешь?

– Ты мой солнечный зайчик.

– Не твой, – смеётся она. – Я просто зайчик.

«Пока ещё, – прибавляет Ислам про себя, – не мой».

Подсаживается близко, вбирает лёгкими воздухом и отмечает почти полное отсутствие духов. Только некую засушливую свежесть, как будто сидишь на берегу моря.

Они посидели немного на крыше, наблюдая, как солнце скользит по серебристой глади оттаявшей Волги за горизонт. Разговаривали в опускающейся темноте, сидя на залитой битумом крыше чердачной будки и болтая ногами.

Ислам встретил её с неделю назад и сразу, как в слюнявом кино, влюбился в улыбку. Катя с какой-то подружкой, собрав с пустых парт (все как раз ушли на перемену) колпачки от ручек, набрав в карманы монетки и прочую мелочёвку, кидались всем этим вниз, в курильщико-пятикурсников. А потом прятались под подоконником и хихикали, уткнувшись носами в колени. Ислам совершенно случайно застал эту сцену, проходя мимо аудитории.

Выглянул из соседнего окна и увидел обращённые вверх лица.

– А ну спускайся! Сейчас поднимусь и задницу надеру, – довольно противоречиво крикнули ему.

Девчонки мигом унялись, однако на лице Кати он всё ещё видел это хитрое выражение – в подрагивающих уголках рта и остром, как колючки шиповника, взгляде.

Так они и познакомились. Оказалось, они учатся на одном курсе, хоть и в разных потоках. И в следующую же встречу в коридорах, выбитых в граните знаний, он пригласил её на свидание.

Когда их встречи стали более или менее регулярными, она сказала:

– У меня есть мальчик.

– А у меня девушка, – нашёлся Ислам. Его несёт, как будто бы подхватило бурным потоком, в висках стучит кровь и выпитый энергетик. – Давай их познакомим и отправим гулять?

Улыбается. Излучает лукавство, того и гляди из-под зачёсанных назад волос выглянут рожки.

– Бурная ночь?

– Что?

– Ну, ты так выглядишь. Как будто не спал всю ночь. Извини, конечно...

– Ничего. Я на самом деле ночь не спал. И да, она была бурной. Кувыркался с дискретной математикой. Кто там у нас автор?

– Малинков.

– Вот, с ним и кувыркался. Мужик! Такую дремучую муть написал...

– Сдал зачёт?

– С переменным. На уд.

Исламу не хочется сейчас говорить об учёбе. Над головой носятся тучи, иногда проливаясь дождём, а в просветы, там, где они истончаются до мимолётных облаков, проглядывает солнце. Странная погода, но Хасанову не до её прихотей. Он пытается вычислить расстояние между своей ладонью и Катиной. Что, если подвинуть руку ещё чуток... сделать вид, что не нарочно, хотя о чём это ты: она ведь всё поймёт. Есть моменты, когда чутьё обостряется настолько, что *на самом деле* чувствуешь это расстояние, проклятые и в то же время обожаемые сантиметры, которые разделяют руки.

С одурелыми воплями носятся птицы, пухлые от мороси воробьи опускаются скопом на какое-нибудь дерево, потом перелетают на другое, и, когда они поднимаются в воздух, дерево роняет на прохожих водопады воды. Машины переговариваются в пробке грудными голосами, громче и приятнее всех гудит старый пузатый фольксваген. Стёкла опущены, и водители жмурятся навстречу всё ещё тёплой и влажной погоде. Ислам думает, что у старых машин голоса приятнее, более грудные, тёплые, как у джазовых певиц-негритянок, и тут же излагает это Кате. Она улыбается, и говорит:

– На самом деле мы с ним расстались. Он уехал в Питер.

– Учиться? – понимающе кивает Ислам.

– В том-то и дело, что нет. Просто уехал, и всё.

– Как это?

– Не знаю, как объяснить. Можешь себе представить, что есть люди, которые родились не там, где должны были?

– Могу. В действительности, таких целая масса. Взять хотя бы моего соседа Яно. Я тебе о нём рассказывал? Родился в Эстонии, учится в России. А душа его разбита на осколки. Один осколок в Мексике. Другой в Испании. Третий валяется где-то на Венере просто потому, что она очень красиво выглядит на фотографиях. Четвёртый носит по рекам и океанам...

– Ты очень хорошо это сказал, – смеётся Катя. – Твой Яно молодец! Но я немного не это имела в виду. Он ни разу не был в Питере, но всю жизнь был уверен, что должен жить

именно там. С тех пор как увидел на обложке какой-то тетрадки в шестом классе Неву. Он до самого последнего дня, до отъезда хранил эту тетрадку. Показывал мне – ничего особенного. Пейзаж как пейзаж. Но он с таким восторгом на него смотрел – ты бы видел... Отучился, достиг совершеннолетия, выждал ещё годик и полез исправлять мировую несправедливость.

– Оставив тебя одну?

Ислам тут же устыдился яду и даже некоему злорадству в голосе. Она смотрит на него с удивлением.

– Ты, может быть, не поймёшь. Когда вселенная так измывается над человеком, я готова его простить. Поддерживала его во всём. Да и мы перед отъездом наобещали друг другу, что будем созваниваться чуть ли не каждый день. Писать письма. Он будет мне слать в конвертах свои рисунки... он ведь у меня художник. Знаешь, как рисует? Я тебе потом покажу, у меня всё в сумочке. Карандашные наброски в основном, вырванные из тетрадки листочки, но в них есть что-то такое, – она поднимает подбородок, купает лицо в по-осеннему прохладных солнечных лучах. – Очень классно.

Говорит о своих сердечных делах просто, будто пересказывает зацепивший за душу фильм.

Катя сейчас напоминает героиню ярких французских фильмов, и на тебя тоже что-то надвигается рядом с ней, укутывает пледом, уже звучит бойкая, как ручей, французская речь, пахнет душистой выпечкой, десертом из мандаринов, а глаза слепят неоновые огни вывесок. И щекочут, заползая за воротник пальто, струйки летнего дождя.

Она часто ведёт себя, как будто знает весь свой сценарий наизусть и он её полностью устраивает. Знает, что кино кончится ещё не скоро и в то же время оно стремительно летит к финалу, и она растворяется в каждом моменте, каждой прожитой секунде. Как будто Катя по ту сторону экрана, а ты – по эту. Хочется протянуть руку, коснуться... но боишься почувствовать под пальцами стекло. Ислам снова думает о проклятых сантиметрах, теперь уже с грустью.

– Мы тогда просто играли свои роли, потому что по-другому двум влюблённым людям прощаться нельзя. Оба понимали, что после пары звонков всё утихнет. Утихнет, так и не успев толком начаться. Сейчас такое время, когда люди и на расстоянии могут быть рядом. Слать смски. Слушать голоса друг в друга в трубке... Есть, в конце концов, сеть. Но знаешь, когда ты не можешь позвонить и сказать: «Давай встретимся» – всё меняется. Понимаешь?

На ресницах повисли капельки дождя, и она стряхивает их. Моргает. Словно только что вспомнила, что рядом есть кто-то ещё, кроме собственного отражения в лужах. Хасанов чувствует, как сквозь подошвы туфель сочится холод. Он запихал руки в карманы и погрузил подбородок в шарф. Пока она была где-то далеко, вокруг плескалось море одиночества. Слова тёплые и мягкие, как выводок белых мышат, но чужие. Не для него. Поток мыслей, каким-то образом нашедший выход через рот.

Оно и сейчас никуда не исчезло – это море, чёрное, с клыками ледяных скал. Холодный воздух стекает по носу и губам, высасывает через куртку остатки тепла.

– Конечно, – говорит он, и голос звучит с интонацией трескающегося льда. – И как он там?

– Держится. Снимает крошечную квартирку где-то на задворках. Около рыбного комбината. Устроился куда-то работать, выбивает прописку, думает даже о том, чтобы податься учиться. Но, ты знаешь, все его письма в картинках, которые оттуда, они так и пышут счастьем. Я не знаю, как объяснить... как будто держишь в руках только что испечённый хлеб. Такой румяный и очень душистый.

Глава 4

История с предвыборной компанией скоро получила продолжение. Не для всех, но для некоторых: очевидно, по каким-то критериям они оказались лучшими. Может быть, раздали больше всего листовок.

Хотя Яно ничего не раздавал. Он к тому времени только-только вернулся. Так что, скорее всего, причиной послужили три хвоста у Ислама: он тогда едва начал выбираться из кратера, оставленного кровопролитными боями на полях виртуальных сражений. И два хвоста Яно – по геометрии и английскому языку, нажитые из-за природного раздолбайства.

Так или иначе, их обоих вызвали в деканат, и Валюта предстала перед ними во всём её зелёном великолепии.

– Это очень уважаемый человек, – сказала Нина Михайловна, захлестнув их тросом своего взгляда, обоих сразу. – Не вздумайте его расстроить, ребята. В стенах этого университета слишком много людей, ему обязанных. Если бы не он, вы бы здесь, возможно, не учились.

Нина Михайловна – замдекана, и кличку она заработала любовью к нарядам зелёного, «долларового» оттенка. Вот и сейчас на ней хлопковые брюки цвета нежной листвы. Как некогда заметил Паша: «Посмотришь на свет и увидишь водяные знаки». Нина Михайловна прямая, с тяжёлым могучим лицом и мясистыми руками. Волосы на затылке забраны в тугой пук. Она их не красит, как многие женщины её возраста, и там проглядывают ниточки седины.

– Будете освобождены от занятий на завтра и послезавтра. И конечно же это зачтётся вам на зачёте по выбранному вами предмету.

«Зачтётся на зачёте» значило, что платить за этот самый зачёт нужно будет в разы меньше. Что же, очень неплохо. Но Ислам всё же предпочёл не иметь ни с ней, ни с этим «уважаемым человеком» ничего общего.

– А можно отказаться? – спросил он. – Наверное, найдутся ребята, чьё положение серьёзнее нашего.

– Вы, вероятно, не понимаете всей серьёзности положения, – произнесла Валюта. Подвигала по поверхности стола стопку красных журналов. – Мы обязаны этому человеку, и нам бы не хотелось его подставлять. А *вы* обязаны нам как вашим преподавателям и наставникам. Радуйтесь, что наш университет даёт вам такую возможность. В семь тридцать будьте по этому адресу. Не опаздывайте, и оба ведите себя, как подобает приличным студентам. Не позорьте наше доброе имя.

– Сдаётся мне, что нас только что наняли кого-нибудь убить, – говорит Ислам, как только за спиной закрылась дверь. Складывает пальцы пистолетиком и целится в Яно.

Яно, похоже, ничего не понял.

– Мы куда-то пойдём? – спрашивает он.

– Забудь.

Вечером они были по нужному адресу. Секретарша провела их в кабинет, щедро обставленный лакированным деревом, и навстречу, скрипнув резным деревянным креслом, поднимается Уважаемый Человек.

Перво-наперво Хасанов видит щегольскую рубашку: словно парус, маячит она перед глазами. И только потом белое лицо, щёки, что затекают в воротник, и губы, что кажутся ещё одной складкой, подобной тем, в которых тонут глаза. Мочки ушей вытянуты, и вспоминается картина Дали с текущим временем.

Пожимает обоим руки и усаживается обратно, растекаясь по коричневой обивке.

– Не хочу на вас давить, – сразу приступает он. – У меня есть работа, но браться за неё или нет – решать вам.

Ислам спрашивает, что за работа, и Уважаемый Человек радуется, как ребёнок неожиданному подарку. Вещает с придыханием:

– Эх, пацаны. Вы ж студенты, правильно? Вам, наверное, не хочется на халяву трудиться. Ну, в смысле, за просто так. Понимаю, – кивает, степенно потирая запястье. – Деньги всем нужны. Что ж, деньги будут тоже, не сомневайтесь.

– Что за работа?

– Так интересно?

Подбородок затрясся и запрыгал, как будто наполненный водой пакет. Дебелое лицо выражает радость и энтузиазм.

– Смотря что за работа.

– Какая разница? – Уважаемый Человек вдруг меняет радость на возмущение, и краешки его рта теперь стремятся не вверх, а вниз. С грохотом отодвигает кресло, прохаживается по кабинету – Ислам и Яно отступают на шаг. – Главное – деньги платят. Разве нет? Кстати, это вам за энтузиазм.

Хмурясь, роется в бумажнике. Бумажник знатный, так и сверкает лакированной кожей, большой. Такие люди не могут без бумажников и дипломатов. Из бумажника лезут карточки, визитки. Смятые в трубочку деньги. Если перевернуть и потрясти его или вон, например, тот дипломат на краю обширного стола, посыплется горы мусора: крошки, залитые кофе документы. Газета с прошлой недели. Зато сам стол идеально чист: только монитор, пара икон и позолоченная ручка толщиной в палец. Позолота с неё уже кое-где слезает, вон на кончике, где в минуты напряжённой работы мужчина зажимал его между зубами, уже виден пластик. «Возможно, если он улыбнётся пошире, мы увидим эти крошки позолоты», – думает Хасанов, и его изнутри заполняет какое-то мерзкое ощущение.

Не отрываясь, глядит ему в глаза. От таких людей лучше не отрывать взгляда. Вообще не отрывать.

Ислам переводит взгляд на две сотки в руках.

– Приходите сюда вечером. Часиков в десять. Приводите друзей, только надёжных. Берите, берите.

Буквально впикивает деньги в руки Яно. Тот берёт и держит их у груди в обеих руках, с ужасом глядя на Уважаемого Человека.

– И помните, я знаю ваши фамилии. Записано. Где же у меня записано-то... В общем, где-то записано.

– Мне... нет нужны ваш деньги, – от ужаса у Яно проснулся акцент.

Мужчина уже не слушает. Ходит кругами, передвигает предметы у себя на столе. Двигает на полке рюмки. Там, в глубине, чернеет этикетка дорогого коньяка.

– Нам не нужны ваши деньги, – говорит Ислам. Вынимает бумажки из рук Яно и кладёт на стол. – Не нужны. Мы и так придём.

Чувствует, как у самого от этого человека трясутся поджилки. Человек надвигается, как будто гора, нависает, как бык над тореадором, повредившим ногу, и кажется, что ты тонешь в его тени. Она засасывает тебя, словно не тень, а вонючее нефтяное пятно. Прижимает своей тушей, своим гонором, своими упрёками к стенке. Расплющивает по ней огромным животом.

– Не нужны? – повторяет он. Поворачивается, пропущенный через жалюзи свет рисует на впадинах лица змейки. Воротник давит ему на шею, и мужчина оттягивает его большим пальцем. – Вот вы мне скажите, как работать с теми, кто не берёт деньги?

Молчат. Яно смотрит белыми от ужаса глазами, Ислам нашаривает позади себя дверную ручку – путь к отступлению. Думает, что хорошо бы подыскать остроумный ответ: всё равно с человеком, который до смерти запугал безобидного эстонца, дел никаких иметь не хочется, но все остроумные ответы провалились куда-то в колодец ужаса.

– Молчите.

Стол скрипит под весом, рубашка на плечах мнётся и складываются гармошкой.

– Молчи-ите, – бурчит он. Сгребает мятые сотки обратно в бумажник. – Ладно. Жду вас вечером. В десять часов. Работа ночная.

Дверь наконец хлопает за спиной, секретарша поднимает лицо, и на месте глаз за стёклами очков Хасанову мерещатся зеленоватые провалы, проеденные червями дыры в гнилой мозг.

– Сумасшедший человек, – бормочет Яно. – El Loco.

Хлопает ещё одна дверь, коридор, и скрипят подошвы на скользком, как змеиная кожа, ламинате. Воздух снаружи свежий и почему-то с лимонной кислинкой. Дяденька на углу продаёт с лотка хурму, она стоит перед ним в несколько рядов, сверкая оранжевыми боками. Сам жуёт одну, сплёвывает косточки в руку и жмурится от удовольствия.

Исламу вдруг очень захотелось хурмы. Он направляется к палатке.

– Ислам, – Яно бежит следом, – Ислам!

– Что?.. Две хурмы, пожалуйста. Покрупнее.

– Мы ведь не пойдём? Вечером?

– А тебе не хочется?

Продавец складывает в пакетик фрукты. Он всё ещё жмурится, хотя глаза и открыты. Просто лицо у него такое – кажется, как будто жмурится. Будто у кота. Не грузин, как это обычно бывает с торговцами в палатках. Нормальный русский мужик, прячет в усах улыбку.

– На здоровье.

– Спасибо.

Хасанов протягивает хурму Яно, тот косится на неё с суеверным ужасом.

– Этот господин предлагал нам деньги.

– Да вроде. И что? Твой козлометр зашкалил?

– А?

– Бери хурму. Кушай, дорогой.

Идёт к остановке, разбрызгивая из-под ног лужи. Остановка выкрашена в красный цвет, и вокруг неё, как огромные шмели вокруг цветка, вьются газельки.

Яно опять бежит следом.

– Мы ведь не пойдём? Да? Вечером.

Три минуты назад Ислам тоже так думал. Но теперь, когда вкус к жизни стекал по горлу в пищевод, он вдруг решил иначе:

– Ты оставайся дома. Хорошо? А я схожу.

– Ты этот. Тоже. Сумасшедший.

Яно грызёт хурму, и вид у него как у напуганной лошади.

– Не-а. Всего лишь любопытный.

Дело не в Валюте, не в зачётах и не в деньгах, которые предложил им Уважаемый Человек. Хасанов вдруг ни с того ни с сего почувствовал, что должен принять этот вызов. Броситься в него, не рассуждая и головой вперёд, а не осторожно ступая на шаткую поверхность, оглядываясь на каждый громкий звук и втягивая голову в плечи, как по идее должен.

Яно пошёл тоже. Ислам убеждал его остаться, но эстонец молча переоделся в удобную одежду, достал взамен туфель кроссовки и уложил в рюкзак термос с чаем и пару бутербродов.

Им объяснили задачу. Уважаемого Человека не было на месте, его секретарши тоже. За тем же столом сидит человек с узким лицом, таким, какое могло бы быть у рептилии, стань она человеком, и глазами навывкате. По очереди водил он этими белесыми глазами по каждому явившемуся, а таких, помимо Ислама и Яно, оказалось ещё шестеро. Совершенно незнакомые лица, все излучают внимание и настороженность.

Человек объяснил задачу. Раздал каждому по баллончику краски, списки фамилий и обличительных характеристик, которые они должны были написать на стенах домов, во дворах, на заборах и просто на асфальте. Вроде: «Адоевский – Вор и Врун». Или: «Нальчик, Откуда

Деньги?» Или: «Сергеев Зарезал Маму». Непременно с ошибками. Сделать ошибки в таких простых словах осмелится не каждый, но требовалось постараться.

– Сегодня каждый из вас – Капитан Очевидность, – прибавил человечек с удовлетворением. – Мне нужно, чтобы весь район к утру был синий, чтобы вы украсили каждый угол дома. Разойтись.

– И это всё? – с разочарованием говорит Хасанов внизу. Они вдвоём ждут, пока остальные, воровато оглядываясь и пряча краску в складках одежды, разбредутся каждый в свою сторону, и выкидывает свой баллончик в урну. Отбирает краску у Яно, и в урне звякает во второй раз.

Ощущение некого соперничества, брошенного вызова пропало. Их попросили всего лишь навсего испоганить стены. Сейчас Ислам сам слабо понимал, что за задание он хотел получить от Уважаемого Человека. Ясно для чего: чтобы с треском его провалить. Но теперь всё это больше не казалось ему таким важным.

– Он хотел, чтобы мы испортили город, – задумчиво говорит Яно. – Плохой какой-то человек. И тот, что был днём, тоже плохой.

– Уже вжился в роль? – Ислам усмехается и говорит: – Капитан Очевидность.

Глава 5

Ислам приходит на работу к шести вечера, а уходит, когда ночь за окнами полыхает белыми и цветными огнями. Трое суток через трое. Почти всегда пешком. Ему выделяли деньги на такси, но Ислам потратил их по назначению всего один раз, когда не на шутку разболелся, а потом носоглотка решила взбунтоваться и залить его соплями. Радовался густому, как хлопья пивной пены, снегу или грозе, что растекалась над городом, заключая его в грохочущий кулак. А ты идёшь в этой темноте и смотришь, как вспышки молний очерчивают высотки, как играют они в трамвайных рельсах и танцуют в чёрных стёклах. Представляешь, как разбегается над головой в паутине проводов электричество.

Ислам обожал ходить пешком, но терпеть не мог идти в никуда. Он шёл либо домой, либо на работу. Не важно куда, главное, чтобы была цель и расстояние, которое требовалось пройти. Наслаждаешься каждым шагом, каждое встречное лицо, будто виноградина, лопается во рту, и на языке ощущаешь кисло-сладкий сок. Тут же оно смывается жидким огнём фонарей из-под колёс проезжающей машины, а там за рулём симпатичная шатенка или угрюмый старик в смешной кепке... в сущности, не важно. Главное, чтобы они были, эти лица.

Голова после работы как в тумане, в ноздрах засел горький алкогольный запах, терпкая смесь пивного аромата, винных паров, чего-то покрепче, а также томатного сока и сигаретного дыма, который почему-то всегда пробкой, комком слюны застревает в горле. Ислам любит томатный сок, но после работы... нет, только не после работы.

В те сорок минут, когда мышцы разгоняют застоявшуюся кровь, Хасанов снова понимает, что не всё так плохо. Что людей, оказывается, можно не только переносить, но даже полюбить снова.

– Я представляю, какие люди тебе попадаются, – бурчит Мишаня, – в час ночи. Ты это... не приползай потом отметеленный.

– Их нету, – ржёт Хасанов. – Нету людей. Кроме меня. Это, знаешь ли, плюс.

Исламу их хватает и в кафе.

На самом деле работа барменом не так уж и плоха. Даже отлична, сейчас Ислам не мог представить себя на другом месте. Приближаешься к зелёной вывеске, с лёгкой досадой думаешь, что стрелка часов опять перебежала тебе дорогу. «Травка». Под вывеской и правда зелень, дорожку к дверям окаймляют цветы в старых покрывках. Несмотря на нарочито небрежное

оформление фасада, впечатление остаётся как от чего-то хорошо продуманного. Простого, но без излишек.

Кафе угловое в жилом доме, смотрит на две стороны стеклянными стенами. Чуть попозже, когда окончательно стемнеет, там, за стёклами, будут плескаться волны томного жёлтого света. Парочки и весёлые компании будут сворачивать на тропинку между газонами. Внутри музыка, обычно что-то из ненавязчивого эмбиента, бывает поп, а бывают и классические инструменталки. Босс любит классическую музыку, но формату кафе больше подходит электроника.

Стеклянная дверь плывёт под рукой, киваешь охраннику, и он отвечает тебе небрежный поклон. Собранный, молчаливый.

Проходишь через зал, подмечая, что столики ещё не заняты. Здесь нет бизнес-ланча, как в соседних заведениях, и весь персонал только заступил на пост.

– Привет, Босс.

Кивает, и ты ловишь деловую, в чём-то нервную улыбку. Не такую как посетителям: им предназначена другая, более долгая, более широкая, но за ней не стоит ничего, кроме вежливости.

– Опаздываешь.

– Всего лишь на пять минут. Прости. Шёл пешком.

Она японка с примесью китайской крови. Или наоборот – бес её разберёт... Хотя считает себя именно японкой. Говорит: «В память о папе». От матери ей достался высокий рост, красивые ноги, которые почему-то скрывает под длинными юбками. А ещё идеальные, будто вычерченные грифелем, брови. Всё остальное, говорит, отцовское. Чёрные соломенные волосы, которые никак не желают укладываться в причёску. Очень пышные и глянцевые, как будто каждую прядь взяли и отдельно вымазали ваксой.

– Ты всегда ходишь пешком.

Никогда не поймёшь, журит она тебя за опоздание или нет. Вроде и журит, а вроде и просто констатирует факт. Мол, ага, уже семь минут седьмого. Вакаремаста, Ислам-тян, вычтем у тебя из зарплаты. По интонациям у неё ничего нельзя понять. Отчитывает ли она официантку или прощается с постоянным клиентом – всё одно.

Тем не менее Ислам её любит.

– Не обижайся, Босс. Завтра приду вовремя.

Несмотря на совсем незначительную разницу в возрасте и вполне дружеские отношения, Ислам называет её Боссом. Уж больно похожа на дочь главы мафиозных триад, как в китайских боевиках.

Хасанов идёт переодеваться и в который уже раз дежурно поражается: угораздило же устроиться работать в кафе к азиатам.

Шкафчик лязгает замком, отглаженная форма хрустит под пальцами и одурело пахнет кондиционером для белья. Выскальзывает из ветровки и мечтает: вот её, сбежавшую когда-то от своего отца из Гонконга, находят мафиози. Вот они входят в кафе, оглядываются, все в пронзительно-чёрных пиджаках, шляпы надвинуты на глаза, так что видны только подбородки и рты – как будто бы застёгнутые на потайные молнии. Руки под пиджаками, где бугрятся под мышками кобуры. Он, Ислам, стоит за стойкой, и ему нестерпимо жмёт эта чёртова бабочка на горле. Но дискомфорт уже не имеет значения, а вспотевшие ладони тянутся вниз, туда, где, завернутый в полотенце, лежит автомат...

Шкафчик лязгает; пальцы застёгивают пуговицы на манжетах. Хасанов застывает на рабочем месте и начинает ополаскивать стаканы; от галстука-бабочки зудит шея, он трогает его указательным пальцем. Гудит машинка для льда, гудит кофе-машина, гудит холодильник, всё это сливается в равномерный сонный гул. Мимо пробегает Босс, нервно поправляет Хаса-

нову галстук и уносится дальше, давать распоряжения поварам. На кухне шумит вода, и оттуда доносятся первые запахи.

На самом деле отец у неё клерк в Киото, а в России она потому, что нестерпимо влюблена в Европу, но до Европы так и не доехала. Осела с матерью и братом в Самаре, вышла замуж за русского. Ислам пару раз его видел, когда тот привозил Сонг на работу на своём форде. Дима. Мировой парень.

Очень неплохо, кстати, она говорит по-русски и по-английски. У Сонг, что называется, предрасположенность к языкам.

Впереди маячит спина Джина, охранника и брата Босса, и Ислам в который уже раз думает, что, чтобы попасть в зал, мафиози придётся пройти через него. И это немного возвращает Хасанова с небес на землю. Не, не пройдут. Он, в отличие от сестры, считает себя китайцем. Очень молчалив – Ислам за всё время вряд ли слышал от него больше двадцати слов. И все не то на китайском, не то на японском: по-русски Джин не говорит совсем. На вопросы предпочитает неопределённо качать головой. Или водить руками в воздухе, и каждый жест в зависимости от контекста может означать одно или другое. «Китайская грамота», – как однажды назвал его Миша.

Задача Джина – встречать гостей у входа, неизменный вежливый полупоклон стал визитной карточкой заведения. Когда люди хотят чего-то, чего нет в соседних барах, они идут «смотреть на китайца».

Миша не выносит молчаливых или непонятных людей, хотя сам как раз такой и есть. В смысле – молчаливый. Уставит злой взгляд исподлобья и давит выражением лица, манерой стоять слишком близко. Заинтересовавший его человек обычно не знает, куда деваться от такого общения. Исламу приходилось не раз вырывать из лап друга таких бедолаг.

– Славный всё-таки малый, – говорит потом Мишаня, потирая пузо. – Классно поговорили. Ток чё он жался, я так и не понял.

Для него поговорить, даже так, – всё равно, что для нас хорошо поесть. Ислам-то – давно уже приевшееся блюдо...

Однажды Миша зашёл к Исламу на работу «выпить пивка за счёт заведения». И мимо Джина пройти просто не смог.

Кричит через весь зал Исламу:

– Слушай, а чё этот лакей первый раз поклонился, так я вышел, зашёл, а он уже не кланяется? – и снова пристаёт: – Эй, Северная Корея! Симпатичный у тебя, говорю, пиджачок.

Джин стоит прямо, взгляд в пространство. Скулы, казалось, режут воздух, как горячий нож масло.

– Кунг-фу знаешь?

Миша отступает на два шага, расставляет ноги, пытается изобразить стойку. Получается неуклюже, как будто раскорячили пластилинового человечка.

– Знаешь, да?

Хохочет, хлопая себя по бокам.

– Кунг-фу зашибись. Фильмы с Джеки Чаном – настоящий огонь, веришь, нет? А, он же с твоей родины. Земеля, наверное, да?

Хасанов вздыхает. Хорошо, что Босса рядом нет. Ей бы долго пришлось объяснять, что этот проблемный большой человек – вовсе не проблемный. Говорит:

– Оставь Джина в покое и иди сюда.

– Ну, бывай, товарищ Мао, – хлопает Джина по плечу и вперевалочку идёт к стойке. Столы дрожат на своих тонких, как у оленят, ножках и шарахаются в разные стороны.

– Наверное, хороший он человек, – одобрительно ворчит. – Кланяется, понимаешь... Джеки Чана, прикинь, знает. Мой любимый актёр...

К семи часам начинают подтягиваться первые посетители.

Зал небольшой, весь насквозь стеклянный, будто аквариум. Свет такой, будто вокруг всё и впрямь заполнено водой, движения медлительны и размыты. С десятков столиков, длинная и слегка изогнутая барная стойка похожа на плавник акулы. За спиной – батареи бутылок на трёх уступах, этикетки подсвечены белым светом, настолько холодным, что из него можно наколоть льда.

Просят сделать маргариту. По тому, что заказывает человек, можно понять... да можно понять, в принципе, всё. Компания девушек берёт воздушные коктейли с дольками апельсина. Одинокая дама в красном берёт морс, в высоком запотевшем стакане он возвышается перед ней, словно столбик термометра. Отражается в глазах струйками ртути.

Дама неприязненно и придирчиво косится на своё отражение в бутылках, на поверхности под локтями. Оглядывается и видит ещё с десятков своих отражений. Всё здесь создано для того, чтобы отражать свет.

Ислам ощущает на себе пыливый взгляд.

– Скажите...

– Да? – он наклоняется через стойку. – Огоньку?

В руках у неё незажжённая сигарета.

– Нет-нет. Ещё рано. Я пока не хочу.

Ей тридцать. Можно было бы назвать красивой, если бы не ледяное выражение на лице. А так – просто эффектная. Даже чересчур эффектная. Таким вслед мужчины оборачиваются, но ни одному не хватает смелости подойти и познакомиться.

Ислам ждёт. А она словно и не собирается ничего говорить. Вращает бокал, оставляя на стенках следы от пальцев.

Справа просят пива, и Ислам исполняет заказ, стараясь не удаляться далеко от незнакомки. Погружена в свои мысли – и столбик термометра в глазах растёт. Вернее падает, потому как лицо становится всё холоднее и холоднее, удаляясь от мира. Того и гляди, на ресницах появится иней.

– Скажите, – вдруг повторяет она, и взгляд возвращается на него. – Вы, должно быть, не местный?

– Не местный, – соглашается Ислам. – Из Уфы.

– Должно быть, учитесь в университете?

Скучает. Бокал вертится в руках, и красные блики водят вокруг хороводы. Кого-то ждёт. Или не ждёт – чёрт её разберёт на самом деле. Ногти у неё тоже красные – краска на самых кончиках облупилась и выглядит неряшливо.

Ислам не успел ответить. Она уже задаёт другой вопрос:

– Хорошо у вас там? В Уфе.

– Ну, – уклончиво отвечает Ислам. – Есть неплохие бары.

Нет, не улыбается. Да и слишком слабый это таран, чтобы разбить намёрзший лёд. Ислам думает, интересно, когда она в последний раз танцевала? Наверно, в детстве. Или в институте, на выпускном вечере. Такие женщины не танцуют. В кафе и барах, в клубах они обычно сидят, закинув ногу за ногу, окутанные сигаретным дымом.

– И что, – спрашивает, – самолёты туда ночью летают?

– Вот уж не знаю, – смеётся Ислам. Заказов пока нет, и он смахивает со стойки невидимые пылинки. Просто чтобы не сидеть без дела. Компания справа – трое мужчин – хлещет своё пиво и создают так необходимый сейчас фон. Зашедшие после работы выпить трудяги. Ислам представляет, как они выключают свои суперсовременные компьютеры, оставляют пежо и митсубиши на стоянке и едут на такси пьянствовать. Сегодня четверг, и завтра можно немного припоздниться на работу и пораньше свалить. – Наверняка. У нас есть аэропорт. Уфа – прекрасный город, и, я думаю, вы бы не пожалели, если бы...

– Назовите для меня любой город.

Будто бы и не слышит его.

– Город?

– Да. Город. Или место. Любое.

– Давайте попробуем.

– Да. Будьте так любезны.

Все города, кроме почему-то Таллинна, куда-то испарились. Так бывает всегда. Попросят тебя рассказать что-нибудь забавное или вспомнить какой-то случай, и ты вроде бы и знаешь, но... не помнишь. Так же и сейчас. Вроде бы легко, но Хасанов не может относиться к чьей-то просьбе – искренней просьбе: Валюту и Уважаемого Человека в расчёт можно не брать – наплевать. И подобная крошечная проблемка встаёт перед ним горой, на которую приходится лезть. Какой ей город нужен? Курорт или, напротив, северный? В Америке, рядом с каньоном, или где-нибудь на австралийском архипелаге? Мегаполис с десятком мостов через канал или засушливая деревенька с парой тысячей жителей?..

Хасанов говорит с досадой:

– Таллинн.

– О, – сказала она без выражения. – Это где? Швеция?

– Почти. Эстония.

Чёрт бы его побрал, Яно, с его Таллинном.

– Наверняка там все бегают по утрам, – продолжает она. – И выгуливают собак. И соседи вежливо здороваются друг с другом.

– Не знаю, – растерялся Ислам. – У меня оттуда друг. Если вы хотите, мне нетрудно спросить...

– Интересно, туда летают самолёты ночью?

– Должно быть.

– Спасибо, – говорит она, обдав холодом. Зубы ровные, как кристаллики льда. Встаёт, оставив чуть тронутый морс. – Сколько я вам должна за города?

Ледяная язвительность заползает чуть не под манжеты, и Ислам растерянно потирает запястья.

– За города несколько. Я ведь их мало вспомнил. Только Таллинн и всё. А за морс – сорок пять.

Оставляет деньги и исчезает, растворяется в черноте за дверью. Компания справа становится шумнее, словно кто-то прибавил звук.

Прибегает одна из девочек-официанток, Даша, просит приготовить стопочку.

– Там мужичок опять тот, – говорит. На лице проскакивает что-то, граничащее с равнодушием. Какое-то беспокойство, о котором она, возможно, даже не подозревает. Откровенно говоря, Хасанов сам не понимает, почему он это заметил.

Ислам смотрит в ту сторону, и человек у окна здоровается. Машет рукой, говорит что-то, но в зале слишком шумно. Человек у окна это понимает. Просто здоровается.

– Это Валентин.

– Он какой-то непонятный, – говорит Даша. Морщится. – И пьёт много.

– Не бойся, – говорит Ислам. – Если начнёт буянить, у нас есть Джин.

Даша прыскает. Говорит слегка пренебрежительно:

– Не начнёт. Как обычно, напьётся и отрубится тихо у себя в уголке.

На подносе размещается стопка с долькой лимона.

– Видишь, даже не буянит. И за попу не щиплет, – говорит Ислам вслед убежавшей официантке. – Золотой клиент.

Немного погодя, разобравшись с делами, Ислам отлучается перекинуться парой слов с Валентином.

Ему нравится этот человек. Совсем уже не молодой, с каким-то измождённым костлявым лицом и сеточкой вен на лбу под жидкими волосами. Очки в тяжёлой чёрной оправе смотрятся очень модно, в таких ходит прогрессивная молодёжь, не доверяющая линзам. Не столько инструмент для зрения, сколько дополнение к имиджу. Валентину они не очень подходят, но куда лучше любых стариковских. А ещё он разрешает обращаться к себе на ты. Сам в первый день об этом попросил, смущаясь при этом до безобразия. Вообще в каждом его жесте, движении, выражении лица сквозит смущение. Иногда оно прячется, иногда настолько явно, что смущаешься сам.

Одет очень представительно. Чёрный пиджак, безукоризненный галстук в косую полоску, свет стекается на кончиках туфель. Стрелочки на брюках на коленях собираются в морщины.

Ислам ни разу не спрашивал, кем он работает, но почему-то ему казалось, что работает с детьми. Где-нибудь в хорошей школе или в гимназии. Может быть, частный педагог.

– Ислам, присаживайся.

Суетится, пытаясь ногой и рукой отодвинуть для Хасанова стул. Когда парень устроился, кивает за окно:

– Видишь фонарь?

– Вижу. Я ненадолго. На минутку. Как вы сегодня?

– Как всегда, мой мальчик. Ты слушай. Сейчас начнётся самое классное. Слышал гром?

– Да вроде. Когда шёл на работу.

– Ага! И я о том же. И в воздухе пахнет дождём. Будет очень красиво: свет фонаря и дождь. Я рассчитываю даже на ливень. Представляешь, как здорово? Свет, и сплошная стена ливня. У вас здесь хорошие окна. Я люблю смотреть в окна, особенно когда идёт дождь. Понимаешь?

Последнее слово произносит уже робко, почти жалобно, будто бы жалеет об этом своём излиянии. Ислам кивает, он сам чувствует себя не в своей тарелке. Неловко молчат секунд десять, а потом стопка в худых руках решительным движением опрокидывается в рот.

– Снег, конечно, ещё лучше, – говорит Валентин с новыми силами. Будто открылось второе дыхание. – Но, сам понимаешь.

Разводит руками.

– До снега ещё два месяца, – смеётся Ислам.

– Да, два месяца. Но, знаешь, ожидание чего-то прекрасного... пусть даже такой мелочи, как снег, само по себе – огромное удовольствие. Огромное. А можно повторить? Не затруднит? Лучше сразу графинчик. И закусочки. Чтобы твой босс, эта смешная китаяночка, подумала, что я тут кого-нибудь жду, и не выгнала меня вшаей. Что у меня опаздывает дама или что-нибудь подобное. А?

Подмигивает Хасанову, среди редких зубов сквозит смущение.

– Конечно, можно.

– Может быть, я опять усну, – говорит Валентин. – Как будете закрываться, вытолкай меня, пожалуйста, за дверь.

Пройдёт час, и Валентин конечно же будет дремать над своим графином. Зачем только люди не ходят в кафе? Вот он, например, живёт в этом же доме, на четвёртом этаже. А на первый спускается поспать. Он готов, он радостно ожидает беспокойного сна в окружении музыки, шума людских голосов. Закусывает это ожидание дольками лимона или сёмгой.

Кажется, он не может спать в тишине. Сон подкрадывается к нему, прячась за повседневным гулом вечернего кафе.

Ислам подходит будить его, только когда все посетители уже разошлись по домам, а стрелки часов подкрадываются к трём. Свет в зале глушат, а Сонг отчаянно зевает.

– Опять этот господин, – говорит она и смотрит на Валентина с лёгкой укоризной, как на нашкодившего ребёнка.

Она любит свою работу, а значит, любит и своих клиентов. И ничего страшного, если один из них слегка перепил и заснул за столом. Вот только в четвёртый раз... а, ладно.

Люди идут и идут, каждому требуется уделить хоть немножко внимания. Слова летают самые незначительные: здравствуйте, какой сорт, вам смешать, четыреста десять, работаем до трёх, нет, телевизора у нас нет и футбол вряд ли покажем... Мало кому хочется *поговорить на самом деле*. Даже если это случается, такие диалоги в действительности – монологи, которые ты должен выслушать. Возможно, это не обязательно, достаточно кивать и подливать спиртное, но Ислам считает своим долгом – слушать. Своего рода служебной обязанностью. Когда-нибудь он отсюда уйдёт и тогда непременно посоветует Сонг приписать это к перечню служебных обязанностей в договоре.

Всем нужен человек, которому наплевать. Который слегка посочувствует, подольёт в бокал горько-сладких пузырьков и заберёт деньги. Они боятся разговаривать друг с другом и поэтому разговаривают с барменом. Или с официантками. С теми, кого они видят в лучшем случае с десятков раз в жизни.

Глава 6

Ислам возвращается домой, дослушивая на ступенях общежития уходящую грозу. Смотрит на тёмные окна. Яно спит.

Поднимается, редкие курильщики провожают его сонными глазами, открывает ключом дверь. Нет, не спит. Его ещё нет дома. Странно, Яно никогда нигде не задерживается.

Ислам размышляет, хочется ли ему спать. По всему выходит, что не слишком. Садится к компьютеру, включает музыку и в этот момент слышит, как Яно входит в комнату. Туфли стучат бодрее и весомее, чем обычно, и Хасанов чувствует, словно радары, лопатками, как сосед по комнате застыл на пороге. Как принимается расшнуровывать ботинки, переложив свой Значительный Вид на сгиб локтя. Обычно его не слышно ровно до тех пор, пока не разуется, не повесит на крючок пальто и не коснётся плеча, чтобы добиться внимания Ислама, и печальным тоном попросить убавить музыку. От этой его привычки Хасанов не раз проливал на клавиатуру чай.

Внутри нарастает, как снежный ком, любопытство, Ислам чувствует, как трепыхаются, чувствуя его приближение, лёгкие. Спрашивает:

– Что такое? Выглядишь так, как будто тебе тётя из Амстердама посылку прислала.

– У меня нет тётки в Амстердаме, – говорит. Бережно ставит свой Значительный Вид на стол перед самым носом Ислама, и тот жадно раздувает ноздри. Чего он действительно терпеть не может, так это загадочного выражения на чужом лице. Хочется кликнуть по нему правой кнопкой мышки и щёлкнуть «распаковать».

– Давай уже, не тяни.

Молчит, и лицо такое загадочное-загадочное. Значительное. Видно, из самого лезет из всех щелей, Значительный Вид трепыхается, как парус на ветру, вот-вот пойдёт прорехами.

– Сделай музыку потише, пожалуйста.

Сама невинность. Змей-искуситель. Ислам выключает винамп, отрубает от сети колонки.

– Доволен? Теперь выкладывай.

– Я познакомился с очень интересными ребятами.

– Что за ребята? Ты познакомился с проститутками?

– Никакие не п-проститутки!

В минуты волнения Яно слегка заикается. Правда, количество вещей, которые могут по-настоящему тронуть его за живое, стремятся к минус бесконечности. Яно есть дело до всего, но он легко может уйти из одного своего мира в другой, если в первом на него кинут недобрый взгляд или не станут слушать. У всех остальных же есть только здесь и сейчас

Уходит в свой конец комнаты, где сбрасывает с себя все социальные нормы, так же, как до этого сбросил кеды. Потягивается и с наслаждением ныряет в своё ян. Сомик, которого выпустили в родной аквариум. Зарывается в ил, в груды цветных маек, книг и карт на диване, наружу торчат только глаза. Кровать под ним колыхнется, из-под одеяла во все стороны лезут подушки. Он всегда спит одновременно на трёх подушках. А когда настроение портится или, наоборот, взлетает до небес, достаёт ещё одну, синюю с ярко-жёлтыми месяцами и звёздами на наволочке.

– Ладно. Хорошо, не проститутки. Прости мне моё желание состричь. Оно иногда опережает здравый смысл.

– Оно всегда его опережает, – укоризненно.

И снова молчание. Не молчание, а скорее его эквивалент общения. Так молчать может только Яно. Вроде и молчит, а в то же время – общается с тобой. И действительно, посидишь с ним вот так вот, и возникает ощущение, что хорошо поговорили. Только вот о чём – не помнишь.

Нет, ну в конце-то концов! Сколько можно!

– Выкладывай давай.

Яно вскакивает и начинает прохаживаться по комнате, в волнении залезая носками на половину Хасанова. Граница колеблется, словно линия прибоя, и вещи начинают переваливаться на эту половину. Неряшливая тетрадка с набором нот для духовых инструментов всё ближе к стулу Ислама, коробочка с разноцветными шариками-прыгунами опрокидывается, рассыпая содержимое.

– Я познакомился с такими ребятами...

– Солдат шёл по улице домой, и увидел он этих ребят, – насмешливо декламирует Хасанов.

Яно замахал руками:

– Ты не понимаешь! Это ребята такие же как мы. Против всего.

– Как это?

– Ну, помнишь, как мы листовки отдирали?

– Ну.

– Они так тоже умеют.

– Да ладно.

– Точно. Только у них, как это... калибр другой.

– Занимаются щитовой рекламой?

Яно объясняет, и Ислам заинтересованно спрашивает:

– Нечто вроде анархистов или этих, как их... несогласных. Это у них ты весь день пропал?

– У них. И пойду ещё завтра!

– Что же, если они хотят прибрать на улицах, то я вас благословляю. Смотрите только, не настройте детей.

Яно подходит совсем близко, волоча за собой за обвивший ногу провод зарядник от телефона. Заглядывает в лицо Хасанову.

– А пошли завтра после пар со мной?

– Это же твои друзья.

– Ты работаешь?

– Нет...

– Вот и идём. Тебе они тоже понравятся.

Яно снимает очки, чтобы протереть стёкла низом майки, и на лице проступает несвойственное ему упрямство.

Ислам удивлён этому так, что не может не согласиться.

Хасанов подозревал, что ехать далеко не придётся: наверняка эти волшебные люди сидят где-то под боком. Но что *настолько* под боком, стало для него сюрпризом. Сразу после пар Яно с таинственным выражением потащил его по тёмным закоулкам университета. На первом этаже много закрытых кабинетов, и в одну из таких дверей, ничем не отличающихся от других, эстонец и стучит.

В двери обозначается щель:

– Это ещё кто такой?

Яно подтаскивает Ислама под лучик света, и Хасанов наблюдает внимательный глаз и краешек чьего-то небритого подбородка.

– Он мой друг.

– Какой ещё друг? – не унимается страж. – А ты кто такой?

Яно роняет руки.

– Я же вчера. Я же был вчера... с Наташей. Ну как же?

– Ааа. С Наташей. Пароль помнишь? – спрашивают с сомнением.

– Не помню, – сокрушается Яно.

– Ладно. Проходите.

Их впускают внутрь, и обстановка наносит удары по органам чувств. На зубах, словно жвачка, горький запах клея, сладковатый типографский запах, такой, который бывает от свеженапечатанных книг, всё вместе замешано на сухом механическом тепле. В ушах пробкой становится звук десятка голосов, какой-то скрежет, стук как будто, к этому примешивается невозможный в этой обстановке истеричный перебор клавиш пианино: пианист, похоже, ударяя по клавише, попадает пальцами по обеим соседним. В этой какофонии с трудом угадывается Чайковский. «Времена года» обретают какие-то новые оттенки: словно в разгар лета над твоей головой разворачиваются небеса и начинает идти снег. Из другого угла надсадно звучит на какой-то дедовской УКВ-волне радио. Даже воздух, кажется, лижет наждачкой кожу.

– Пароль запомнил?

Яно пытается перекричать шум.

– Какой пароль?

Ислам одурело вертит головой. Мимо сразу во все стороны носятся какие-то люди.

– Не помню.

– И я о том же.

– «Не помню» – это пароль. Он у них постоянный. А наружу пускают разные идиотские пароли вроде «Честь и кровь» или «Заветы нового Мира». Потому что желающих сюда попасть мало не становится. Хитро, правда?

Хасанов зачарованно кивает.

Клуб у них и впрямь знатный. По головам людей здесь считать бессмысленно: всё равно, что пытаться сосчитать выводок мышей в одной клетке. Все чем-то заняты, металлический голос диктора с радио тонет в гуле голосов. Курят прямо здесь, и банки с окурками блуждают по залу, словно бутылки с чудесными посланиями где-то в Тихом океане. В беспорядке бродят стулья, иногда зачем-то забираясь друг другу на спины. У окна громоздится целая пирамида из таких вот акробатов. С другой стороны могучий рояль, несколько сдвинутых вместе столов перед ним превращены не то в лабораторию, не то в столовую. Там склянки на хрупких спицах, какие-то немытые блюда. Ислам вытягивает шею, пытаясь разглядеть пианиста, но тот уже исчез, оставив после себя поднятую крышку и затихающие под потолком звуки басовых клавиш.

– Наташа! – зовёт Яно и устремляется в глубь зала, протискиваясь среди вспотевших тел.

Наташа высокая, тонкая, как спица, Ислам видит, как она ныряет в толпу своих соратников, чтобы вынырнуть с другой стороны, уже возле Яно.

– Яник, – говорит она ласково и тянет к нему руки. – Ты к нам вернулся.

Встряхивает головой, так, что волосы чиркают по шее. Очень выразительно, и сразу понятно, что это её любимый жест.

«Не самая красивая девчонка, – решает Ислам. – Очень уж своеобразное лицо». Нос выдаётся вперёд, как будто у хищной птицы, да ещё с заметной горбинкой. Лицо немного вытянуто, как будто бы за этот нос ещё взяли и потянули. Зато волосы роскошные. Угольно-чёрные, но с крашеными в красный кончиками. Каре, чёлка плещется почти на глазах, и, когда она встряхивает головой, брови мелькают угольными росчерками. Великолепные брови. Такие стоит прятать, дабы не показывать первому встречному. А только тем, кто достоин. И ещё рот очень красивый. Большой, с пухлыми, чётко очерченными губами – тоже очень неординарный. Губы она не красит совсем, и это, на взгляд Хасанова, ей очень идёт.

Такая штука – этот рот – кому-то, быть может, и не понравился бы, кто-то не обратит внимания, а вот его зацепила.

Яно тычет пальцем в Ислама, что-то говорит на ухо девушке, и она улыбается. Подходит ближе, тянет руки, и вместо рукопожатия смыкает их за спиной Ислама. От неё пахнет тонкими дамскими сигаретами.

– Ты друг Яника?

– Сосед, – смущённо отвечает Ислам.

– Как замечательно! Нам здесь нужны новые люди. Будем знакомы. Я Ната, там вон Тумаков, Славик, это Арамис, вон там, дальше, под окном, Вася. Это Алёна, а вот этот шустрик – Митя. Мы здесь... это София. София, поздоровайся с Исламом. Мы здесь живём очень дружной компанией. Я тебе потом всё расскажу. Работаем над тем, чтобы жизнь наших друзей и просто людей вокруг стала чуточку лучше. Вносим свой крошечный вклад. Помогаем ребятам противостоять произволу и взяточничеству учебных заведений.

Говорит она быстро, язычок так и мелькает, замешивая слова в густой коктейль. Говорит слегка с украинским акцентом, хотя сама на хохлушку не похожа. Во всяком случае Хасанов их представлял по-другому. Лицо очень живое, особенно губы. То и дело норовят вытянуться трубочкой, растянуться во внезапной улыбке или обиженно надуться. И все эти состояния обычно укладываются в две-три секунды.

– У вас здесь что? Стадия постоянного ремонта? – спрашивает Хасанов.

– Готовимся к митингу, – гордо говорит Наташа.

– К митингу?

Ислам немного скисает. Ещё всучат какой-нибудь глупый плакат... нет уж, пускай не рассчитывают. Он здесь в первый и последний раз.

– Ага. Депеш мод у мэрии. Экстремальный флешмоб: все вырядимся в тулупы и телогрейки, вроде как бомжики, и будем попрошайничать у них под окнами. И бутылки собирать. Приходи тоже.

– Если не будет работы, – уклончиво отвечает Ислам.

Наташа отводит их к окну, где потише.

– Официально это поэтический кружок, – Наташа хихикает. – Слышали бы они, какие стихи здесь читают. Каждую неделю нас спрашивают, когда, мол, доделаем табличку на дверь. А мы всё отнекиваемся. Ведь повесим табличку – попрут какие-нибудь очкарики.

Она устраивается с ногами на подоконнике, отодвинув стопку пожелтевших газет. Достает и прячет за ухом сигаретку.

– Мы недавно выбили это помещение. Точнее я выбила. Устроила забастовку у деканата. Умоляла, просила. Говорят, нет помещений. Уходят с работы, а я сижу. Другие ребята разошлись уже, у них дела ещё были... Приходят – сижу. Точнее, нет, не так. Я вытянулась на диванчике и делаю вид, что дрыхну. Их проняло.

– Это называется «находчивость», – вставляет Тумаков.

– И что? Никогда не проверяют? – спрашивает Ислам, глубоко сомневаясь, что декану есть до этого дело. Он же, наверное, занятой дядька.

– Иногда проверяют. Заходит Нина Николаевна, которая по литре у нас. Якобы любит стихи послушать, – она кривляется, изображая эту самую Нину Николаевну. – Но Слава читает самые свои мирные, а ещё Ахматову. Он так хорошо читает! Не оторваться. Поэтому она так часто и приходит. Мы просим его читать похуже, но он так не может. Творческая личность, – она говорит почти без перехода: – Сейчас подоспеет чай.

За роялем устроено нечто вроде кухни – и жуткий беспорядок. Тарелки стоят одна на другой, к одежде прилипают крошки, везде почерневшие пятна от разлитого кофе.

– Подтягивайте стулья и садитесь, где почище, – говорит Наташа. Убирает с табурета кастрюльку с остатками чего-то неаппетитного. – Ну как вам клуб?

– Несколько необычно, – признаёт Ислам, а Яно отчаянно кивает.

– Мы хотели сделать что-то наподобие того, как было в Бойцовском клубе. Проект «Разгром»! Смотрели, а? Вот только жить здесь проблематично. И исчезать всё равно приходится. И никаких тайных документов не оставишь, потому как два раза в неделю приходит техничка. Мы пытались выкрасть у неё график уборки, чтобы хотя бы знать, по каким дням нам готовятся отражать атаки, но – представляете? – у неё и графика-то нет. Приходит, когда приспишит. Ну куда это годится?

– Угу. Мыло-то хоть не варите? – спрашивает Хасанов, косясь на пробирки и приборы из кабинета химии на столе.

– Не варим, – Наташа ржёт. – У нас есть неплохие спецы. Вон стоит. Ваня Липеев. Но нам это без надобности. Знаешь, как хиппи – граната. Мы здесь воюем немного другими способами.

Она нацеливает в Ислама палец, подмигивает.

– Конечно, это не то оружие, которое есть у наших оппонентов. Поражает не тело, но мозги. Но зато у нас его больше. Баллончики с краской против каждого водомёта. Плакат после каждой дубинки. Мегафон и томик стихов против слезоточивого газа... Кстати, Ваня говорит, что эти рецепты напалма из «...клуба» ни черта не работают. Которые призывают смешать бензин и апельсиновый сок...

– Хорошо, – говорит Ислам. – Не хотел бы я на какой-нибудь из лекций улететь в космос.

– Пытались связаться с лимоновцами, – вдохновенно говорит Наташа. – Похоже, им нужна ячейка в Самаре. Правда, сейчас, перед выборами, они там все по горло заняты. Бойкотируют их, эти выборы. А мы здесь пока занимаемся тем же самым.

– Они вам так нужны? Лимоновцы? – спрашивает Ислам, просто чтобы что-то спросить. Яно сидит рядом, но в то же время на месте усидеть не может. Восторженно пялится по стономам.

Наташа опускает по чашкам пакетики с жёлтыми ярлычками, разливает кипяток. Не спросив, кладёт всем по две ложки сахара.

– Мы им нужны. Ну, в любом случае лучше по возможности держаться за руки. Чем нас больше, тем лучше. Правда?

Внимательно смотрит в глаза сначала одному, потом второму. Пар от всех трёх кружек завязывается над головами прихотливым узлом.

– Значит, вы боретесь в первую очередь с произволом преподавателей?

– Не только. Просто это, – она делает на последнем слове ударение, – касается нас сейчас больше всего. Сам понимаешь. Мы просто люди, которые хотят что-то изменить. Мечтатели и раздолбаи, которые не хотят жить по правилам, которые не любят, когда их трахают старики, меняющие закорючку в зачётке на телевизоры и домашние кинотеатры. Которые трясут со студентов деньги и нагло подруливают потом к институтам на новых фордах. Я их ненавижу.

Ислам смотрит на Наташу. Она разошлась не на шутку, говорит быстро и с возмущением, подбородок нервно подрагивает, в руке плещется горячий чай, и капли вот-вот полетят на колени. Отодвигается, на всякий случай.

– Конечно, у них зарплата не ахти, – продолжает она. – У меня бабушка – преподаватель математики в школе, получает копейки. Но это не даёт им право быть козлами. Если уж поставила тебя жизнь раком – терпи, а не пытайся вертеться и думать, как бы с этого получить ещё и удовольствие. Или разгибайся, если позволяют тебе силы. Ведь верно?

Она с апломбом смотрит в глаза Яно, потом Исламу, и оба синхронно кивают.

– Есть планы на вечер?

Очередная смена темы застаёт Хасанова врасплох. Яно уже мотает головой:

– У нас нет.

– Отлично. Ночью пойдём в рейд. Да, Слава?.. Пойдём и возьмём вас двоих с собой.

Темнеет в это время года не так рано, и Яно всё это время не находит себе места. Бродит по коридору, заглядывает на кухню, где в мойке уже четвёртый день отмокает от яичницы чья-то сковорода, робко выглядывает в шумную гостиную, где пульсирует в магнитофоне голос Эм Джей, дуются в карты, сдвинув головы, обсуждают что-то, и отсюда кажется, что они играют в шахматы чайными чашками. Кто-то спит в кресле, и телевизор заглядывает ему в лицо, обозначает белые пятна на подбородке, опущенных веках и на лбу, под колючими волосами.

Яно никто не видит, и он топчется перед входом, а потом топает обратно, чтобы выглянуть в окно в конце коридора или пошуметь водой в ванной.

Ислам размышляет, как хорошо было бы остаться дома.

Если уж на то пошло, эти ребята довольно забавные. Такие же мечтатели, как Яно, только в отличие от эстонца у этих ещё и чешутся руки. А когда у мечтателей чешутся руки, это, как правило, страшно. Потому как всё идёт наперекосяк.

Хуже всего, что они не знают, за что конкретно бороться. Нет, не так... знают, имеют в голове некое абстрактное представление вселенского добра, но у каждого оно своё.

Зато Яно от них без ума. Ещё бы: нашёл братьев по разуму. И только ради этого Ислам готов был этим ребятам простить всё на свете.

Наконец подступает время, и он тащит засыпающего Ислама мимо картёжников на улицу и к торцу университета. Там многозначительно молчит компания в неброских шмотках, и Наташа машет им рукой.

Здесь Слава со сдвинутой на затылок кепкой и нервными руками, которые он до поры, как револьверы, распихал по карманам. Девушка Лида, её Ислам в клубе не видел, высокая, с округлым лицом и непослушными кудряшками. Она глазееет на всех растерянно, и у Хасанова складывается впечатление, что она сама плохо понимает, зачем пришла. И паренёк, которого представляют Арамисом, маленький и бойкий, с живым лицом и значительными ушами, настолько идеальными по форме, насколько вообще идеальны могут быть уши. Он знает о такой выдающейся черте, и поэтому на обоих мочках у него серьги, на одной две, на другой – три, а в раковине блестят гвоздики.

У Наташи большая сумка. Лямка натянулась, как струна, и когда бьётся о ляжку, слышится жестяной звук.

– Там краска, – отвечает она на вопрос Хасанова. – Будем рисовать.

– Что-то вроде призывов голосовать за того-то и за того-то такими большими-ими кривыми буквами?

Наташа фыркает. Говорит гневно, голос звенит в ушах, кажется, даже вон там, у дороги, слышно, и вся кампания принимается на неё шикать.

– Мы художники. А все, кто такое творит, грязные политические прихвостни. Школьники, которых нанимают за деньги портить стены. Вандалы. На самом деле здесь идёт не пиар,

а антипиар. Никому не нравятся написанные с ошибками призывы голосовать за того или за другого. Поэтому за него не голосуют. Представляешь, с ошибками!

– Надписи эти не стираются, – хмуро говорит Слава. – В лучшем случае замазываются следующей ватагой школьников, нанятой уже тем, за кого призывали «голосовать».

– С ошибками призывали, – встревает Наталья.

– С ошибками, – соглашается Слава. – Поэтому мы превращаем их в произведения искусства. Рисуем сверху что-то симпатичное. Всё, хватит маячить. Двинули.

Они напоминают не хорошо слаженную группу, а ватагу студентов-раздолбаев, возвращающихся по домам после вечеринки. Разве что песни не поют.

Это отличное прикрытие. Гораздо больше подозрений вызывают ребята в тёмных майках или спецовках, сверкающие бритыми головами и тенью скользящие по улицам. Образ которых в первую очередь возникает в голове при слове «рейд». От таких спешат убраться подальше. А отряд Славы провожают снисходительными улыбками даже припозднившиеся с работы тётки. Или безразлично поджатыми губами – кто как.

Хотя он-то как раз и не давал своей команде потерять лицо. Внимательный, губы поджаты, а в движениях грация кобры. Зыркает исподлобья туда и сюда, взбитые ветром в перья волосы и брови, которые украсили бы любого кинозлодея, довершают образ.

Зато майка ярко-жёлтая, с Че Бурашкой с автоматом на груди, она лезет в глаза не хуже сигнала светофора.

Мимо проплывают коттеджи, укрытые сонными яблонями, где-то там, в глубинах дворов, плывут квадраты светлых окон. Яно вертит головой, и, если на него смотреть краем глаза, эти движения напоминают движения штопора. Ислам беседует с Арамисом, Слава с претензией разглядывает встречные заборы и напоминает этими манерами дворняжку, ищущую метки товарок.

– Подожди-ка, – говорит Наташа с горящими глазами, и группа мигом затихает. Будто кто-то убавил с пульта звук. – Арамис, полотенце. Вон на ту камеру.

– Что она задумала, – бурчит Слава. – Беспокойная женщина.

В руках у Арамиса белеет белая тряпица, на лесках парочка утяжелителей – обычных рыболовных грузил – так что конструкция напоминает рыбацкую сеть. К камере на заборе на цыпочках по «мёртвой зоне», движение, такое как в фильмах про пиратов, когда забрасывают abordажные крюки. И на объективе повисает тряпка, залётный ветерок жуёт её, но сбросить не может.

Наташа бросается туда, куда смотрела камера. Там ворота, огромная надпись: «ОСТОРОЖНО ЗЛАЯ СОБАКА» – поперёк. В руках что-то медное, баллончик с краской, шипит, распыляя красную жидкость.

– Быстрее давай, – говорит Слава. Смотрит по сторонам, но свидетелей нет. Руки Наташи движутся плавно, иногда вспыхивает луч фонарика, выхватывая пятна краски. Ислам косится на Яно: тот смотрит, затаив дыхание, лицо раскраснелось, как будто это над ним сейчас колдуют с баллончиком.

– Готово! – говорит Наташа. – Убирай заглушку.

Отступает на шаг, чтобы посмотреть на результат. Справа и слева слышится фыркание. Лида надувает губы, чтобы не захохотать. Тумаков всё больше мрачнеет. Яно открывает и закрывает рот, как рыба на берегу.

Вместо прежней надписи теперь красуется: «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ КИСА».

– Я думала, будет смешнее, – после паузы говорит Наташа.

– Но запятую ты здорово подрисовала, – с некоторым сомнением говорит Арамис. – Мы же вроде как за грамотность?

– Ага. Но всё равно, как-то глупо. С этой кисой... эх.

Ислам больше не может сдерживаться. Ржёт, как сумасшедший, стараясь только не перебудить всю улицу. Где-то залаяла тяжёлым кашляющим лаем собака. Наверняка та самая. Злая.

– Ты что? – подскочила Наташа.

– Это глупо... но... очень... смешно... – пыхтит он.

– Ты правда так думаешь?

Он кивает, и она расплывается в улыбке:

– Спасибо.

Полотенце спряталось в рюкзаке у Арамиса, и они спешат прочь, пока не выглянул хозяин.

Слава схож лицом с недостроенным зданием, что проплывает сейчас справа, как большой ледокол. Такой же серый и с провалами глаз. Наверняка Ислам упал в его глазах куда ниже плинтуса, но всё-таки не мог остановиться – ржал до тех пор, пока вместо смеха из глотки не стало выдираться хриплое шипение.

Очень скоро они находят вторую свою глобальную жертву за этот день. Дошли до микрорайона и разделились: Арамис с Любой исчезли с каким-то секретным заданием, Слава повёл остальных за собою во дворы и остановил возле красного новенького опея. Сверился по бумажке с номером, и из внутреннего кармана куртки появился чехол из-под очков, а оттуда – шило с перемотанной изолентой ручкой.

– Загрязняют окружающую среду? – понимающе спрашивает Ислам.

– Не пори чепухи, – сурово говорит Слава. Приспосабливает шило к крышке, появляется молоток – небольшой, хозяйственная штучка, такой есть в каждом доме.

– А разве так можно? – спрашивает Яно.

– Так нужно, – шепчет Наташа. – Тише. А то засекут.

Ястребиное лицо поворачивается в полутьме вправо и влево. Вся напряжённая, будто гитарная струна, вроде бы стоит на месте, но кеды всё равно скрипят по асфальту, и в такт этому звуку скрипят нервы всех четверых. Звук кажется оглушительным. Удар молотка по сравнению с ним – мягкий, как будто кто-то ударил кулаком по подушке.

Хлоп – и всё. Слава уже принаравливается, чтобы сделать следующую дырку. Откладывает молоток, вытягивает из обоймы другое шило и всучивает Яно.

– Займись пока теми двумя колёсами. По четыре дырки в каждом, не меньше. Запомнил? Молотка второго нет, подбери где-нибудь кирпич. Вон там посмотри, около трэша, там их полно. Только свет не зажигай.

Яно вертит в руках шило, длинные пальцы путаются. Ислам давит губами улыбку и представляет, как он потом будет распутывать многочисленные узлы на руках. Эстонец вытягивает шею, пытаясь рассмотреть в той стороне кирпичи, но от друзей далеко не отходит.

– Я принесу. У тебя оружие, и ты нужен тут, – шепчет Ислам.

– Спасибо, – лопочет Яно.

Ага, вот и кирпич. Точнее обломок, хорошие кирпичи-то никто не выбрасывает. Когда возвращается, Яно уже успел наколоться. Сопит обиженно, засунув большой палец в рот.

– Может, лучше ты? – говорит.

– Я вообще с тобой только за компанию пошёл.

– А. Ладно...

Обходит машину, неловко пристраивается к переднему колесу.

– По четыре дырки в каждом, – рычит Слава. – Не меньше.

– Слушай-ка, а давай мы его ещё и распишем. Шины резать – это как-то скучно, – вдруг говорит Наташа.

Слишком громко. Такие люди, люди-струны, всегда прибавляют в громкости, когда в голову приходит какая-то идея. Как будто кто-то щёлкает внутри зажигалкой. Все трое хором

на неё шикают. Тоже слишком громко получилось. «Но, возможно, – думает Ислам, – люди подумают, что это какие-нибудь ночные птицы. Да, ночные птицы, только и всего».

– Поговори мне ещё тут, – сопит Слава. – Сейчас придёт хозяин, и уже скучно не будет...

– Не, ну Слав. Ну серьёзно. Краски у нас хватит.

– Не пори чушь. Сейчас не пасха, чтобы разрисовывать яйца этому кренделю.

Наташа тем не менее лезет в рюкзак, и вот уже в каждой руке по баллончику. Зажигалка полыхает вовсю, разгоняя темноту у неё в голове.

– Да ладно тебе. Шины – это прошлый век. Ну пожа-алуйста.

– Ладно. Несносная девчонка. Ладно, ладно. Только тише. Закрой рот и делай всё молча.

Наташа порывисто обнимает Тумакова, сумка раскрывается под её руками, баллончики норовят раскатиться в стороны.

– Чья это машина? – спрашивает Ислам.

Слава швыряет в него недовольным взглядом.

– Селиванова. Сидит в районной администрации, некрупная сошка по образовательной деятельности. Два дня назад приезжал в универ. Не слышал?

– Слышал, – признаётся Ислам.

– Как думаешь, откуда у него такая тачка?

Хасанов жмёт плечами. На языке вертится вопрос, и Ислам не может его удержать:

– Слушай. А ты у нас учишься?

– Выгнали с третьего.

Ислам не уточняет почему. И так понятно: причина выгнать такого найдётся всегда. Но Слава добавляет:

– Отправил подальше пару завучей и директора. И не жалею об этом.

– Его до сих пор пускают на проходной, – с гордостью говорит Наташа. – И пару раз ловили в коридорах.

– До тех пор, пока я могу свободно и безнаказанно шарахаться по этому зданию, я буду возглавлять клуб. Такая безалаберность меня не просто возмущает – она танцует передо мной, как матадор перед быком. И я вновь и вновь буду выставять рога. Как самый настоящий бык. Директор не узнаёт меня, хотя орал до хрипоты и грозился сдать правоохранительным за неуважение к его персоне. А за что, скажите мне, я должен его уважать? Надутый гусь...

Когда двадцать минут спустя они уходили через спящие дворы, автомобиль расцвёл чёрными точками и глазами на бампере и стал похож на божью коровку этакого спортивного типа. Таким его рано утром и нашёл господин Селиванов.

Глава 7

С того самого вечера на крыше Ислам с Катей часто бывали вместе. Кто-то за кем-то заходил и шли куда-то, разгоняя по мокрым самарским улицам воду. Обменялись телефонами, но звонил Ислам редко. Только когда требовалось назначить встречу. Назначал и быстренько прощался. Просто потому что не любил разговаривать по телефону. И правда, какой в этом смысл? Поболтать, обменяться новостями можно и лично. При личной встрече ты видишь, как играют на лице тени, слышишь дыхание и можешь, умирая где-то внутри от восторга, коснуться запястья или приобнять за талию. Она же не звонила совсем, но и это его совершенно не трогало. Возможно, у неё была аська, но Хасанов не спросил. Катя не похожа на девушку, которая зависает в аске. Такая, которая может извлечь чистые эмоции из каждого момента, из любой встречной мелочи, в электронном общении не нуждается.

Бесцельные прогулки – всё равно бесцельные прогулки, даже если под рукой есть девушка. К ним Ислам так и не приспособился. Когда нет цели, идти куда-то он не может. Быстро начинает «вихлять» – залезать ногами на газон, лезть под ноги другим пешеходам.

– Своди её куда-нибудь погулять, – говорит Паша, но для Ислама это звучит, как: «Поставь её красить забор и сделай так, чтобы ей было не скучно». Так же страшно. Метод Тома Сойера тут не работает.

Со временем Ислам пришёл к выводу, что он слишком молчаливый. Когда болтаешь без умолку, можно хоть круги вокруг лотка с мороженым нарезать. О да, слушать он умел. Умел вставлять замечания, иногда остроумные и в меру уместные, подтрунивать, стебаться и показывать интерес, тем более если на самом деле интересно слушать. Но какая бы ни была разговорчивая девушка, рано или поздно потоки слов иссякают, она выдыхается, и вот уже ты ощущаешь этот жалобный взгляд. Мол, поговори со мной теперь ты. Расскажи что-нибудь интересное...

Ислам умел чувствовать молчание. Неизвестно, как его ощущала она, но Исламу это молчание физически давило на макушку, где тут же просыпались и принимались копошиться, как злые бактерии из рекламы, мысли. А что если она подумает, что он скучен? Что значит «подумает»? Он ведь и вправду скучен, молчалив и неловок. Забывчив и нетактичен.

Катя тоже не больно разговорчива. Любит хранить все эти интересности внутри себя, выдавая собеседнику по крупинкам. Любит заглядывать в глаза и, похоже, любит, когда он по глазам читает эти мысли. Смеётся, когда Ислам говорит, ты подумала сейчас о том-то и о том-то. Или – я с тобой согласен, но считаю, что...

Но иногда такое выдаст – ух! Один раз взяла и поцеловала его. Просто ни с того ни с сего – Ислам в силу понятных причин не помнит, о чём тогда шёл разговор. Ни с того ни с сего она обхватила его за шею и чмокнула в щёку. И потом смущённо, и слегка воровато наблюдала за тем, как краска всё сильнее заливает лицо. Пока Ислам не стал себя чувствовать как банка с томатным соком.

За неимением прочих тем для разговора Ислам рассказывал про посетителей в баре. Когда работаешь в кафе в старом городе, публика у тебя собирается самая разная. Как назло, все эти занимательные люди, стоило ему открыть рот, куда-то исчезали. Его это раздражало до дрожи в руках. Как же так: вот он в голове, живой человек, интересный, по-своему забавный, а как пытаешься про него рассказать, больше пары слов сказать не можешь. Более того, мстительно хохоча, он тут же превращается у тебя в голове в безликую серую куклу, набитую пухом, и даже смех утрачивает выразительность, превращается в безнадёжный бумажный шелест.

Сейчас осень, и Хасанов только выкатился на поле второго курса набитым воздухом мячиком. Две команды, одна из которых – работа со всеми её завсегдатаями, другая – из преподавателей, начнут футболировать друг друга, а он, подскакивая на неровностях, будет пытаться успеть туда и сюда. И задержаться посередине, где затерялась его личная жизнь и друзья.

Чтобы не потерять работу, он не ездил домой на всё лето. Отпросился у Сонг на пару недель в июле, чтобы повидать родню, и обратно, в духоту большого города, облизанную влажным языком Волги. Почему-то все города, кроме родного, казались Хасанову мегаполисами. Хотя Уфа, мягко говоря, не намного меньше. Миллион жителей, как-никак. Самара первое время ошеломила его своими размерами. А друзья-самарцы рассказали потом, какими большими им кажутся другие города, даже соседний Тольятти.

Когда ты здесь живёшь и можешь по кратчайшему пути проехать из точки А в точку Б, всё кажется твоим личным и с лёгкостью умещается в кармане. Неизвестность же не умещается нигде.

Катя редко задавала вопросы. А когда спрашивала, это могло быть что-то необычное. Что-то, что ни за что бы не догадался спросить кто-то другой.

– А что тебе больше нравилось в детстве? Яблоки или орехи?

– Наверное, и то, и другое.

– Я вот, например, терпеть не могла грецкие орехи, – со значительным видом сообщает Катя. – Особенно в скорлупе. Пытаешься расколоть, а они – ни в какую. У тебя такое было?

Ислам говорит с улыбкой:

– Похоже на какие-то психологические тесты. Словно, знаешь, ты спрашиваешь, что я больше любил, яблоки или орехи, а сама проверяешь, упорный ли я человек или нет. Умею ли я добиваться цели, «разгрызать орешки». И всё такое.

– Звучит очень по-дурацки, – серьёзно отвечает Катя. – Мне просто интересно, что тебе нравится. Ненавижу подтексты.

– Ладно, ладно, извини.

Ислам выставляет перед собой руки и тут же начинает злиться на себя. Чуть что, сразу лезет извиняться. Ну куда это годится?

Но она не слушает. Откопала в себе очередную головоломку и бросилась её разгадывать.

– Или всё-таки люблю... нет, я обожаю подтексты. Когда между строчек что-то ещё написано, это ведь втроем занято. Правда? Пожалуй, я не люблю такие явные подтексты. Жуткая фальшь в действительности.

Растерянно смеётся, глядя на Ислама снизу вверх. Напоминает почему-то раскраску, которую раскрасили не теми цветами.

Ислам вздыхает. Она не только для него такая вся загадка. Но и для себя.

– Я люблю танцевать, – рассказывает она. – Обожаю. Даже не так... как бы тебе попонятнее сказать... танцы – это вся моя жизнь. Танцами можно сказать всё, выразить любые эмоции, донести до зрителя то, что не всегда можешь донести словами. Слова вообще довольно дурацкая вещь. Кто их только придумал?.. А вот танцами можно всё.

– Это ты так думаешь, – говорит Хасанов. – Потому что этим занимаешься. Для меня танцы – тёмный лес. Если бы кто-то хотел до меня что-то донести танцами, я бы ни фига не понял. Я вот, например, уверен, что смогу донести что угодно до человека жестами, когда вокруг шумно: играет музыка, все орут и за спиной над тобой нависает босс. Смогу рассказать, сколько стоит коктейль и как пройти к туалету. И то ни черта не понимают.

– Это не то, – говорит сердито. – Ты не понимаешь.

Ну вот. Обиделась. Ислам обругал себя последними словами. Сколько раз зарекался спорить с девушкой – всё равно что-нибудь, да проскочит. Да и прозвучало это, скорее всего, довольно глупо.

– Извини.

Разглядывает вялые листья на ветке тополя. Заключает один между пальцами, он хрустит и ломается, словно песочное печенье.

– Просто ты не понимаешь очевидные вещи.

– Да, – покорно соглашается Ислам, – пожалуй, не понимаю.

– У тебя есть что-нибудь, чего ты бы хотел в жизни добиться? – спрашивает она после долгого молчания.

Ислам дёргает плечами. Есть что-то, ещё не сформировавшееся до конца в голове, но что это и как облечь это в слова?..

А Катя уже что-то говорит. У неё на всё есть своё мнение, и спрашивает тебя о чём-то она только для того, чтобы рассказать, что об этом думает она.

– Я не люблю людей, смыслом жизни которых является сиюминутное существование. Таких спросишь, а они говорят: хотим квартиру собственную. Или машину. Или открыть фирму.

– Кто же их любит.

– Тем не менее их вокруг полно. Это мужики. И ещё, представляешь, предъявляют: ты, мол, баба, красивая притом, тебе замуж выскочить раз плюнуть.

– А ты их, конечно, разоблачала, – с сомнением говорит Ислам.

– Конечно! Ну, в принципе, они не совсем виноваты. Девушкам вообще лишь бы замуж за кого побогаче выскочить. Какие-то они недалёковидные все. Глупышки. Ну представь, выскочит она замуж, и что дальше? Допустим, повезёт, и будет жить на всём готовом. Ездить на жёлтеньком матизе. А тут долбанёт две тысячи двенадцать, и останемся мы все без света. Машины никому на фиг не будут нужны, стоят без горючего на дорогах, глупые жестянки. Роскошная квартира на двенадцатом этаже окажется тюрьмой. Вокруг все склеивают ласты. И все, побросав своё барахло, бегут из города прочь по деревням. И там придётся доить коров и отбиваться от мародёров. Я им всё это объясняю, а они не поймут.

– А у тебя есть цель? – спрашивает он.

– Моя цель – это поиски цели в жизни, – отвечает с готовностью. – Мне кажется, осознать, что вся эта материальная чушь – лишь ступеньки к чему-то большему, – это уже огромный шаг. И другой шаг – то, что эти ступеньки и не нужны вовсе, если у тебя за плечами есть крылья.

– Не подумай, что я тупой. Но я не очень понимаю.

– Откровенно говоря, я и сама не больно-то понимаю. Поэтому и ковыряюсь во всей этой психологии и философии. Иногда в религию заносит. Иногда сама себе напоминаю червя в земле, – она грустно улыбается. – Ты молодец. Хотя бы выслушал и сразу не бросаешься с кулаками – защищать барахло у себя в голове. Мне кажется, чем больше людей к этому придут, тем легче будет жить на свете. Если хотя бы часть людей поднимется в воздух, на земле будет легче дышать. А за первыми потянутся и остальные. Кроме того, одной там, в небесах, очень скучно. Ты не представляешь, какие они большие и пустые.

«Представляю», – думает Ислам, вдруг содрогаясь от нежности и от одиночества.

– Ты ведь был у неё дома? – спрашивает как-то Паша, и Ислам кивает. Был и не раз. В последний, например, они сидели за чашкой лимонного чая и обсуждали прочитанные книги.

Её комната – это нечто особенное. Количеством вещей напоминает комнату Яно. Может быть, количеством, но конечно же не идеальным порядком. Всё, что у первого валяется на полу и колыхается под ногами многомесячным культурным слоем, здесь знает своё место. А между тем вещей много, очень много, и диву даёшься, как они все могли здесь поместиться, не нарушив кристального порядка. Словно кусочки паззла складываются в единую картинку. Пахнет апельсиновой цедрой, в солнечные дни из окон извергается водопад света. Шторы всегда отдёрнуты, по столу гуляет декоративная китайская чашка из тонкого стекла и разноцветные фломастеры. Больше там ничего нет, кроме карандашницы и аккуратной стопки тетрадок. А ещё пузатый и серый, как большой тюлень, дремлет в его углу старинный ноутбук. Зато на полках множество самых разных мелочей, выстроенных в строгом порядке. Книги корешок к корешку, диски ровными рядами. Картины и пачка открыток. Чёрные колонки, как два больших камня, хранят значительное молчание, и тихо сопит их брат чайник, похожий на чёрного пингвина.

Здесь есть место несовершенству, и это цепляет. По полу нет-нет, да и прокатится, как перекасти-поле, пылинка, на подоконнике забытая с утра чашка с остатками кофе.

– Я не очень люблю готовить, – говорит Катя, – поэтому придётся перебиваться чаем.

– Чем же ты питаешься? Надеюсь, не «дошираками»?

Ислам косится в мусорную корзину у двери, боясь разглядеть там ненавистные жёлтые пакки. Какая бы еда не была у него дома, какой бы восхитительный запах не томился над кастрюлей на плите, обязательно придёт Мишаня и заварит доширак. Всё испортит этим противным химическим запахом. Будет есть, чавкая и горящими глазами зырякая по сторонам.

– А есть майонез? – обязательно спросит он с набитым ртом.

– А есть мозги? – непременно ядовитым голосом парирует Ислам.

Некоторые вещи не меняются. Кажется, будет Миша постарше, станет сотрудником какой-нибудь солидной фирмы, он и в ресторанах будет пытаться заказать китайскую лапшу.

Катя рассеяно переставляет маркеры на столе.

– Йогуртами. И покупаю различные булочки в супермаркете напротив. С черникой – просто прелесть! Откровенно говоря, у меня получаются только пирожки. Но самой для себя их готовить... знаешь, как-то странно. Как будто ты единственная осталась на планете и тебе некого позвать в гости. А если есть кого, то выходит, будто я заманиваю их пирожками. И так плохо, и так. Поэтому они у меня только по большим дням, когда собирается компания или когда сама хожу в гости.

Живёт она одна. Так уж получилось, что при равнозначных размерах общаг в женской проживает куда меньше народу, поэтому во многих комнатах по одному постояльцу.

– Если девушка приглашает тебя к себе, значит, она уже готова, – говорит Паша. – Она полностью тебе доверяет. Знаешь, что это значит? Что ты должен включить мужика. Не упусти свой шанс, приятель.

Но Ислам ничего подобного не чувствовал. Смотрел, как кружится долька лимона в кружке, да слушал запах апельсинов.

Почему-то здесь молчать было куда легче. Когда темы для разговора исчерпывались и оставался только чай, молчание как-то само собой нисходило на них. Оно было очень естественным, как пейзаж за окном, как звук радио из соседней комнаты. Здесь никогда не играла музыка, но, откровенно говоря, она была не нужна. Музыка формировалась из окружающих звуков, из волн света через незадёрнутые шторы, своеобразным эмбиентом, музыкой окружения, радиостанцией помех. Не было ритма – всё вокруг просто *происходило*. Ничего подобного Ислам не чувствовал больше нигде.

Катя молчала с удовольствием. Пила свой чай, тихо звякая ложечкой, и улыбалась глазами.

– Наверное, тебе здесь хорошо спать, – сказал как-то Хасанов.

– Прекрасно, – говорит она. – Знаешь, тут спится куда лучше, чем где-то ещё. Чем дома. Я очень люблю бывать дома, но, откровенно говоря, только из-за братика и немного из-за мамы. Ночевать я там не люблю, максимум одну ночь выдерживаю. Комната размером со стадион, представляешь? А здесь всё маленькое. Наверное, потому здесь так уютно. Когда я закончу учиться, не буду туда возвращаться. Перееду куда-нибудь в однокомнатную квартиру, чтобы комната была крошечная. Вроде этой. Обставлю её по своему вкусу.

Она опускает руки, смеётся.

– Наверное, я жуткая эгоистка.

– Совсем нет.

– Эгоистка. Что-то я всё о мебели. О том, где лучше спать... смех, да и только.

– Давай тогда о чём-нибудь другом.

– Предлагай.

– У тебя есть брат? Расскажи о нём.

– Да! – завелась мгновенно, так от искорки вспыхивает пропитанная бензином бумага. – Он настоящий лапочка. Младше меня на два года, очень умный. Учится, правда, из рук вон плохо, одни тройки, но всё равно он у меня умница. Когда мне было семь лет, кто-то меня спрашивал: кого ты больше любишь, маму или папу? А я отвечала – братика.

– А мой старше. На четыре. Стажируется в Японии. Отношения между братьями немного не такие, как между братом и сестрой. Но в общем я им горжусь. Он классный.

– Так вот, – смеётся. – Мы оба, получается, братофилы.

Один раз он попытался её поцеловать.

Они вдвоём снова у неё, и вот уже две минуты снизу доносится шум, словно мимо топают рота солдат с обязательным сержантом-запевалой. И песня – что-то отдалённо знакомое. Эти звуки вторгаются в сонный будничный мир здания постепенно, завоёвывая комнату за комнатой. За стеной приглушили радио. Этажом ниже покатывались со смеху и что-то кричали.

Ислам и Катя подскочили к окну; позади грохнулся стул. С десятка два парней, выстроившись перед окнами в шеренгу, орал песню Псою Короленко. Да, ту самую, которую этот колоритный еврей исполняет с Наташей Беленькой.

– Что это?

Голос её вот-вот готов сорваться на смех.

– А, это флешмоб, – говорит Ислам. – У нас в форуме темка ходила. А я и забыл. Чёрт, – он сам не может сдержать смеха: больно уж забавно выглядят обращённые вверх лица, слишком нестройно и в то же время душевно выкрикивают слова. – Мог бы стоять с теми внизу и так же изумительно лажать. Вон, кстати, Лёня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.